

18+

НАТАЛЬЯ СЕМЁНОВА

БУМЕРАНГ

Наталья Семёнова

Бумеранг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67577268

SelfPub; 2022

Аннотация

Что такое настоящая боль – знакомо мне не понаслышке. И что значит ходить по краю – тоже. Мертвы трое мужчин. Я их знала когда-то. Знала, к сожалению, слишком близко. Последние несколько лет мы никак не общались. Следовательно, что пришёл меня допрашивать, знает об этом, но нашёл связь, по которой убийства можно связать со мной. Хватит ли ему... и мне сил, чтобы распутать этот клубок?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	45
Глава 5	57
Глава 7	82
БОНУС: Бумеранг. Время после...	95
Глава 1	95
Глава 2	101
Глава 3	106
Глава 4	113
Эпилог	120

Наталья Семёнова

Бумеранг

Глава 1

– Я здесь для того, чтобы задать вам несколько вопросов, – на небольшой стол легла пухлая папка с документами и, не сводя с меня заинтересованного взгляда, на деревянный стул присел следователь следственного комитета. Вместив такого гостя, моя и без того небольшая кухня, кажется, стала ещё меньше.

– Валяйте, – я пожала плечами и прислонилась спиной к кухонной тумбе.

– Вам знаком Килин Кирилл Валерьевич? – обычный вопрос поднял в моей душе целую бурю, но я его ожидала.

– Да, – я ограничилась кивком и отошла к окну, плотнее кутаясь в шерстяную кофту с высоким воротом. На улице валил снег. Крупные хлопья кружились, словно в танце, под композицию, слышную только им. Двое мальчишек не совсем удачно пытались слепить снеговика из рыхлого снега. Смеялись, когда снеговик вновь и вновь рассыпался, и щурились от яркого солнца. Морозный день. Но мороз не только на улице. – Это мой бывший муж.

С Кириллом мы познакомились, когда мне было двадцать

пять лет, а ему – двадцать семь.

Я – начинающий дизайнер, а он – молодой преуспевающий адвокат, трудившийся в компании не менее преуспевающего адвоката в лице своего отца. Килин-старший лелеял мечту создать собственную династию адвокатов. Сын всецело его поддерживал.

О его красоте ходили легенды, если не легенды, то слухов очень много – обаятельный, привлекательный мужчина способный заполучить любую девушку. Очень харизматичный – мог найти общий язык с любым, даже самым несговорчивым человеком. Буквально все его боготворили и предсказывали невероятно успешное будущее. Но он не терпел лжи. Не терпел, когда его обманывали, и это при том, что сам многократно и без зазрений совести пользовался лживыми уловками, чтобы выиграть очередное дело или заполучить чьё-то расположение.

Меня наняли декорировать его новоприобретённую квартиру. После короткого разговора – в течение которого он больше смотрел на меня, чем слушал мои предложения по оформлению его жилища – о том, что он бы предпочел в ней видеть, Кирилл пригласил меня на свидание. Он шутил, был обходителен. Мечта любой девушки. А что я? Я была не менее привлекательна, чем он. Ещё в детском доме одна из воспитательниц мне сказала, что с такой невероятной красотой я или пойду по наклонной, или взойду на вершину мира. Второй вариант мне нравился куда больше, потому я

и стремилась делать всё правильно. Не велась на соблазны, прилежно училась, одним словом – воспитывала в себе королеву. А королевы не курят сигареты по углам, прячась от воспитательниц, не пьют пиво на лавках и не спят с первым, кто прошептал на ушко, что навсегда будет рядом.

Вполне ожидаемо, что мы понравились друг другу. Последовало следующее свидание, потом ещё и ещё. Роман набирал серьёзные обороты, и через четыре месяца мы стали вместе жить. Ещё через полгода поженились. В этом событии, конечно, больше заслуга Килина-старшего. А сам Кирилл в нашем союзе видел перспективы для карьерного роста и, чего скрывать, ему нравилось всем знакомым и друзьям меня показывать. Я же в нём видела обеспеченное и надёжное будущее для своего ребёнка. Ребёнка, о котором мечтала ещё в детском возрасте. В браке мы прожили пять лет. Ребёнка так и не завели.

– Четыре дня назад его нашли мертвым в собственной квартире, – сказал следователь, наблюдая за моей реакцией. Спустя пару мгновений, спросил: – Вы знали, что он мёртв?

– Да, – пальцы дрожали. И в целом меня лихорадило. Невыносимо хотелось выпить. Я подошла к шкафчику и достала бутылку водки. – Вы не против, если я выпью? – следак неоднозначно кивнул головой, что я приняла за согласие. – Составите компанию? – и, не дожидаясь отрицательного ответа, достала один стакан и плеснула в него прозрачную резко пахнущую жидкость.

– Спасибо, но я на службе, – он повёл шейей, вроде как, не веря, что я буду пить водку.

Я кивнула и, подхватив бутылку со стаканом, присела на второй деревянный стул напротив следователя. Махнула стаканом в его сторону, мол, за ваше здоровье, гражданин следователь, и одним глотком уничтожила безвкусную жидкость. Я уже давно не чувствую вкус алкоголя. Как, в принципе, вообще ничего не чувствую. Сергей Дмитриевич (так мне представился следователь) чуть удивлённо поднял брови, но промолчал. Я плеснула ещё и прежде, чем выпить выжидательно посмотрела на Сергея.

– Как он умер? – поинтересовалась я, сжав в пальцах стакан.

– Многократные ножевые ранения, – и снова смотрит на мою реакцию, не упуская ни единого изменения в моем лице.

Я живо представила, как вонзаю нож в плоский живот Кирилла. Как он стонет от боли. Как недоумённо, не веря в происходящее, смотрит мне в глаза жалким взглядом. Как я прокручиваю этот нож. Медленно и безжалостно, чтобы он почувствовал невероятную боль каждым нервом, каждой частичкой своего тела. Каждым волосом нагеленной прически. Чтобы он чётко осознал, как было больно мне. Я тряхнула головой и посмотрела в стакан.

– Вот и славно, – кивнула я и выпила водку, снова одним глотком, заставив своего собеседника поморщиться.

– А вы не слишком огорчены, – щёлкая ручкой, следователь прищурился и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Расстались мы далеко не лучшими друзьями, – кивнула я без особых эмоций.

Не сводя с меня глаз, Сергей расстегнул молнию своей папки и, всё-таки, опустил взгляд к бумагам. Примерно с минуту перебирал их, выудил один лист, прочёл и спросил:

– Два года назад вы подавали на него в суд. Но дело проиграло. В чём состоял иск?

Я судорожно вздохнула и прерывисто выдохнула. Период жизни, который нестерпимо хотелось забыть, но который никак не покидал мысли уже много времени.

– А у вас там не написано? – усмехнулась я, прищурившись, как недавно это сделал следователь, и попутно плеснула в свой стакан ещё водки.

– Мне бы хотелось услышать об этом от вас, – тихо, но доходчиво. Намекая, что не хотел бы бередить зажившие раны, но работа обязывает.

Всё ещё больно. Очень больно. Очень.

– Ладно, – я посмотрела в карие глаза следователя и сказала только одну фразу: – Кирилл убил моего ребёнка.

Лет с двенадцати меня привлекала сама мысль о беременности. Не процесс к ней приводящий, а сама беременность. Осознание, что в тебе растёт маленькая жизнь – восторгала. Я с придыханием провожала взглядом беременных женщин, мечтая однажды носить под сердцем своего ребёнка. Тогда

я не думала о последствиях непременно следующих после девяти месяцев. Мне просто нравилось думать, что я подарю кому-то жизнь, а, может, и не одну. Она будет расти во мне, приятно округляя живот. Маленькие ножки и ручки будут отзываться на моё нежное касание, а маленькое сердечко будет стучать в унисон с моим. С девочками смеялись, что, когда вырасту, каждый год буду ходить беременной. Я улыбалась и с удовольствием фантазировала на эту тему. Взрослея и наблюдая, как рожают подруги, переосмыслила первоначальные мечты. Теперь я мечтала о бескорыстной любви, той, что может подарить только ребёнок своей матери. Маленькие ручки крепко обнимают её шею – крохотное создание ищет защиту на её груди. Пухлые губки целуют невпопад просто потому, что ребёнок так чувствует. Нестерпимо хотелось испытать такое же чудо. Смотреть и узнавать в малыше свои черты. Но человеком я была здравомыслящим и потому не хотела рожать от первого встречного или просто для себя.

– Ребёнка? – следователь недоверчиво поднял брови, но тут же нахмурился. – Это не административное дело, а уголовное.

– Верно. Ребёнок не родившийся, – говорить было нелегко, но кто-то умный говорил, что, когда говоришь, то становится легче. Со всей ответственностью заявляю, что это ложь.

– Выкидыш? – Сергей Дмитриевич что-то пометил в блок-

ноте и как-то маетно выдохнул, а я кивнула.

– Снова угадали, – указательным пальцем я отодвинула от себя стакан и добавила: – И в нём виновен Кирилл.

– Вы считали, что он каким-то образом подстроил выкидыш? – он дважды щелкнул ручкой и, видно было, что совсем мне не верит.

– Самым прямым, – я пожала плечами, потому что мне-то как раз всё было ясно ещё тогда.

– Хм. Но ваш адвокат не смог этого доказать, – следователь задумался и, опустив взгляд в бумаги, едва заметно поморщился.

– Не смог, – я не стала отрицать, потому что в материалах дела всё и так есть. Заодно решила озвучить свои мысли. – У отца Кирилла денег оказалось больше, чем у меня. Да и он не последний человек в городе. Знает, кому заплатить, чтобы подделали результаты фиксации побоев. А ещё знает следователей, которые не найдут доказательств вины его сына.

– Последнее, пожалуй, пропущу мимо ушей, – выразительно прокашлялся Сергей, постукивая ручкой по столу.

– Дело ваше, – я хмыкнула, приглядываясь к следователю.

– В деле фигурировало ещё два человека, – заметив мой любопытствующий взгляд, мой оппонент нахмурился и несколько стушевался. – Никитин Сергей Борисович?

– Да. Это друг Кирилла.

– Тоже причастен к выкидышу? – всё больше сомнений слышалось в голосе молодого человека.

– Да, – я отвечала коротко. Сильно развернуто даже и не ответишь.

– Он тоже мертв, – наблюдает за моей реакцией. Ничего не дождался и продолжил. – Буквально за неделю до смерти Килина его обнаружили скончавшимся от алкогольного опьянения.

Я снова представила, на этот раз Никитина, привязанным к стулу. На лице дурман с лёгким непониманием происходящего. Глаза начинают округляться от страха, когда я его хватаю за подбородок и вливаю бутылку водки. Потом ещё и ещё. Пока он не захлебывается в собственной рвоте. В отличие от меня – он знал, что его опаивают. У меня такое понимание отсутствовало.

– Ещё одна хорошая новость, – на моём лице расцвела улыбка. Думаю, на рабочем веку этого следователя я первая, кто испытывает удовольствие, получая удовольствие, узнавая о покойниках. – От него вполне ожидаемо. Он любил выпить.

– Вы тоже любите, – не удержался следователь, выразительно подняв брови, затем кашлянул и быстро произнёс: – Простите. Не моё дело.

Я безразлично махнула рукой, переводя задумчивый взгляд на бутылку. Да, я – алкоголичка. Он не первый, кто замечает мою пагубную страсть. Да я её, в принципе, и не скрываю. Из всех друзей только водка со мной и осталась. Кто-то не поверил мне и остался на стороне Кирилла, счи-

тая меня чуть ли не шизофреничкой. Кто-то просто не смог наблюдать, как я разрушаю свою жизнь – пытались помочь, но не срослось и попытки были оставлены. Хотя там и разрушать уже ничего не оставалось – жизни меня лишил Кирилл, забрав возможность когда-либо стать матерью.

– Прохоров Иннокентий Владиславович? – из размышлений меня вырвал очередной вопрос нашего импровизированного допроса.

– И он тоже? – я подняла брови и даже подалась немного вперед. – День рождения у меня не сегодня, а судьба мне делает подарки?

– Он тоже мертв, – от моей реакции он чуть дернул мышцами лица, проигнорировав мой вопрос. – Причём обстоятельства смерти весьма необычные.

– Удивите.

– Умер от удушья своим... кхм... половым органом, ещё при жизни ампутированным.

Ух. Да. Хватаю Прохорова за член и вижу животный страх в глазах-блюдцах. Медленно, под стоны боли, вожу ножом туда-сюда и, наконец, отрезаю его полностью. Липкой от крови рукой хватаю его подбородок и пихаю его вялый член прямо в горло. Настолько глубоко, что он задыхается, перед смертью поняв, какого было мне с его членом во рту.

Я бесчисленное количество раз представляла их смерть – всей душой желая, чтобы они подошли рано или поздно. В мельчайших подробностях, до самого последнего своего

движения – я хотела, чтобы они прочувствовали всю мою боль, страдали точно так же. И действительность оправдала все мои мыслимые и немыслимые ожидания.

– В вашем деле учувствовали все трое, – следователь снова заглянул в бумагу в руке и через полминуты продолжил: – В исковом заявлении значится, что ранее упомянутые граждане нанесли непоправимый ущерб вашему здоровью, – он поднял глаза на меня и прищурился: – Как я понимаю – на вас было совершено нападение. Но каких-либо бумаг, подтверждающих это, я не нашёл.

– Заявление в полицию? – усмехнулась я, не отводя пристального взгляда от карих глаз.

– Именно, – кивнул он.

Я вздохнула и плеснула себе ещё водки.

– Не могли бы вы так сильно не налегать, – полунасмешливо попросил следователь. – Хотелось бы, чтобы вы оставались в трезвом уме.

– О, поверьте, одной бутылки недостаточно, чтобы я потеряла сознание, – я выразительно на него посмотрела и, перед тем как выпить, тихо добавила: – К сожалению.

В самом начале, когда моя жизнь ещё только разрушилась, я топила горе в дорогих напитках – алкоголь стал моим лучшим другом. Тогда ещё гордость мне не позволяла пить что-то дешёвое, а финансы разрешали покупать один из популярных сортов виски «Jack Daniels». Но я не ограничивалась чистыми напитками – смешивала коктейли. Иногда даже заку-

сывала. Спасительное отключение мозга наступало буквально через пару-тройку бокалов. Организм приучен не был – до случившегося вела полностью здоровый образ жизни – потому я легко и быстро сбегала от реальности. Но в последствие приходилось просыпаться и снова пить. Я перестала закусывать. Бутылка рома стала заменять мне дамскую сумочку – везде носила её с собой. В конце концов, на то, чтобы отключиться стало требоваться больше времени, а, соответственно, и алкоголя. Я перешла на более дешёвые напитки. В итоге денег перестало хватать и на них. И тогда я открыла для себя водку. Самую дешёвую. С зарплаты закупала ящик и тянула напиток до следующей. Сознание отключать не получалось, но лёгкое помутнение реальности приносило небольшое облегчение от терзавших голову мыслей.

– Заявления, – напомнил Сергей, испытующе глядя на меня. – Почему вы не пошли в полицию?

– Пошла, – равнодушно пожалала плечами я.

– Но... – следователь недоумевал. И было от чего, он, скорее, относился к категории честных и неподкупных.

– Кажется, я уже упоминала про знакомых Килина-старшего, – я перевела взгляд на Сергея Дмитриевича, но ясности, судя по его реакции, не внесла, и добавила: – Следователи.

– Хотите сказать, ваши заявления уничтожили?

– Нет. У меня не приняли ни одного заявления. Меня даже слушать не стали, записав в категорию сумасшедших.

– Но как же? Если на вас напали, причём, серьёзно – в любом случае должны быть записи в больнице, в которую вас доставили.

– Частная клиника. Там есть все записи. Только ни одной правдивой, – под взглядом следователя я устало прикрыла глаза и отклонилась на спинку стула.

Я тогда проснулась вся разбитая. Не сразу сообразила, где я. Завидев над головой белый потолок и услышав звуки работающей аппаратуры, возник второй вопрос – почему я в больнице. Воспоминания стали возвращаться урывками, разрывая сердце на клочки. Когда появился врач, первым делом спросила про ребёнка. А он посмотрел на меня осуждающим взглядом и холодно произнёс:

– Какой ребёнок, дорогая мамаша? С образом жизни, что вы ведёте – никакой речи и быть не может о материнстве. Бросьте пить, приведите голову в порядок, вот тогда и заводите дитё.

– Я не пью! – воскликнула я, осмысливая и умирая от осознания потери мой крохи.

– Ну-ну, – снисходительно кивнул тот, глядя на меня как на неразумного ребенка. – Не пили бы, так не грохнулись бы на стеклянный столик.

– Я не падала! Это всё муж и его друзья! – больно ещё и от того, что мне не верят.

– Ну, хватит. Хватит, – равнодушно пробасил он, никак не реагируя на мою громкую речь, разве что только помор-

щившись. – Последствия алкогольного опьянения. Если бы ваш муж нашел вас чуть позже, вы вполне могли бы быть сейчас мертвы.

– Прекратите делать из меня дуру! Это он! – взревела я. – Он убил моего ребёнка!

Доктор вколол мне успокоительное и вышел из палаты, продолжая держаться так же холодно и отстранённо.

– И меня убил, – тихо сказала сама себе, проваливаясь в темноту беспокойного сна.

Через пару месяцев, на приёме у гинеколога, узнала, что никогда не смогу завести ребёнка.

– То есть там тоже всё куплено? – задал очередной вопрос Сергей. Не понятно прибавилось в нём веры или нет.

– Соображаете, – подмигнула я ему.

Он скривился, но всё же спросил:

– И что они там записали?

– В такой-то день, в такое-то время, – вздохнула я, сверля его полунасмешливым взглядом. – Поступила такая-то гражданка. С многочисленными ушибами и маточным кровотечением. В крови обнаружена недопустимая норма алкоголя. По словам супруга, женщина была найдена у разбитого журнального стеклянного столика. По всей видимости, алкоголь не позволял контролировать тело, и она упала, судя по повреждениям, не один раз. Причина выкидыша – удар о металлический угол журнального столика.

– Алкоголь? – хмыкнул мужчина, что-то для себя решая. –

Похоже на правду.

– Да что вы знаете?! – зло бросила я и отвернулась в сторону.

Какие же они одинаковые. Мужчины. Женщины. Все люди. На основании ложных данных делают собственные умозаключения, даже не пытаясь узнать правду. Заплати им денег, и они поверят им. Допусти малейший проступок, и они выдумают большую ложь, где тот будет участвовать. Стань алкоголичкой после жестокой несправедливости, что разрушила твою жизнь, мечты и планы, решат – ты пила всю жизнь и сама виновата в своих бедах.

– Ещё вопросы будут? – я снова посмотрела на следователя, всем своим видом демонстрируя отвращение и нежелание продолжать беседу. – А то мне уже пора напиться до усрачки.

Надо отдать ему должное – у него хватило такта устыдиться. Он вздохнул и, откинувшись на спинку стула, устало потёр глаза.

– Простите, – не отнимая руки от лица, выдохнул Сергей. – Я уже четыре дня работаю над делом Килина. На меня давят. Начальство. Его отец. А у меня ни единой зацепки. И тут я натыкаюсь на двухлетней давности иск. Пробиваю участников по базе и узнаю, что остальные двое тоже мертвы, – он открыл глаза и пронзил меня сканирующим взглядом. – Трое участников вашего дела буквально за три недели умирают при странных обстоятельствах. Подарок судьбы

говорите? Так ли это?

Я округлила глаза и возмущённо прошипела, ухватившись за край стола:

– Вы что... думаете, их убила я?!

Глава 2

– Мелькнула такая мысль, – не стал юлить следователь, наклонив голову к правому плечу. Похоже, моя реакция его нисколько не смутила.

Я пренебрежительно хохотнула и плеснула в стакан ещё водки, наполнив его наполовину, и, прежде чем выпить, поднесла стакан к лицу, прищурившись на Сергея:

– И у вас имеются предположения, как я это сделала?

– Некоторые, но начинаю в них сомневаться, – пришлось ему признать. Ещё бы. Он видит, что я из себя представляю в компании с бутылкой.

– Ха. И все три убийства не раскрыты? Никаких подозреваемых, кроме меня?

Он чуть стушевался и, скривившись, посмотрел в сторону:

– На самом деле, по делу Прохорова виновный найден. Думаю, скоро она сядет в тюрьму.

– Она? – насмешливо подняла я брови.

– Его девушка, – кивнул следователь, заглядывая в бумаги, – Наумова Кристина Петровна. Её застали на месте преступления в крови Прохорова, а нож с отпечатками её же пальцев лежал рядом. Следователь что ведёт дело, узнал, что она часто закатывала ему истерики ревности.

Кристина. Знаем – общались. Взбалмошная и совершенно

безмозглая особа. Собрала на своём теле абсолютно все “девайсы” современной пластической хирургии и салонов красоты. Надутые губы, татуажные брови, нарощённые ресницы в комплекте с силиконовой грудью и приподнятой попкой. Окрашивание волос по последней моде и вечное пребывание в “Instagram”. Она туда постила буквально всё: от фото с иглой в щеке на процедуре контурной пластики скул, до истерических видео, где её предал очередной мужчина. Живёт она за счёт состоятельных родителей, по всей видимости, работать не собирается, разыскивая такого же состоятельного мужа, на плечах которого можно будет легко свесить ножи, переместив их с плеч родителей.

До появления в жизни Кирилла меня, она крутилась возле него. Когда окончательно поняла, что ей с ним ничего не светит, переключилась на его друзей. Что Прохоров, что Никитин были людьми состоятельными и хороши собой. Никитин однажды просто воспользовался ею и долго доказывал, что они не пара, так как та, после пары ночей, заявляла на него права и навязывала всяческими способами свою компанию. А вот Прохорову оказалась по нраву её легкомысленность. И он с неисчерпаемым весельем переносил её ревнивые истерики и иногда специально не скрывал свои измены.

– Знаю, что не напрасно, – кивнула я сама себе.

– Не напрасно. Он ей изменял. Следовательно уверен, что у неё сдали нервы, и она таким образом ему отомстила.

– Так может и вам стоит искать настоящего убийцу, а не

притягивать дело за уши?

Сергей Дмитриевич сделал вид, что не расслышал моё замечание и, хмыкнув, пояснил своё неверие в эту версию:

– Подсудимая уверяет, что не убивала Прохорова. Они вместе легли спать, а когда она проснулась, то обнаружила своего сожителя мёртвым.

– Не все жаждут носить тюремную робу, – усмехнулась я, пожав плечами.

Сергей тяжело вздохнул и поднялся. Потянулся, играя мускулами под шерстяной, тёмно-серого цвета водолазкой с высоким воротом, и прошёл к окну.

Я замахнула алкоголь, выпив содержимое стакана в два глотка. И оценивающе посмотрела на спину следователя. Молод, лет тридцать пять, может, чуть больше; фигура подтянута – держит себя в форме; вполне симпатичен – не красавец, а просто приятная внешность и далеко не дурак. Может и раскроет дело.

– Вы не против, если я покурю? – повернулся он.

Я безразлично пожала плечами и, поднявшись со стула, достала из кухонного шкафа железную кружку. Плеснула из крана воды на доньшко и протянула “подозрительному” следователю.

– Вместо пепельницы, – объяснила я озадаченному выражению лица мужчины.

Сергей хмыкнул, взял кружку и протиснулся между мной и столом, задев случайно плечом мою грудь. Притормозил и

сконфуженно произнёс:

– Простите.

– Всегда так часто извиняетесь или сегодня исключительно моя заслуга? – насмешливо глянула я на него исподлобья.

Он усмехнулся своим мыслям, изучив моё лицо внимательным взглядом, и уселся на стул, не ответив на мой вопрос. Прикурил и задумчиво выдохнул сигаретный дым, не отводя пристального взгляда от меня.

– А что по делу Никитина? По-моему, тут всё ясно как день, – нарушила я молчание.

И дело не только в алкоголе. Он баловался героином. Помню, когда узнала об этом впервые, ужасно испугалась, что Кирилл составляет ему компанию. Закатила скандал, потребовала, чтобы он с ним не общался и, если узнаю, что он принимает наркотики – сразу соберу вещи, и он меня больше не увидит. Кирилл лишь посмеялся над моей пламенной речью, а после спокойно сказал, что он не настолько глуп, чтобы принимать героин. И так же спокойно предупредил, что запугивать его – не лучшая тактика, и указывать, что ему делать – не лучший вариант для моей красивой мордашки. Тогда я впервые увидела просквозивший холод в его глазах и для себя решила, что никогда не хотела бы его увидеть снова.

– На первый взгляд, – кивнул Сергей, делая затяжку. – Но на его запястьях обнаружены следы от наручников.

– Тут тоже всё ясно, – не удержалась я от смешка. – Он был сторонником нетрадиционного секса.

– Следователь, что закрыл дело, указал это в отчёте, – тоже улыбнулся он. Впервые за наш разговор. – Но откуда у вас такие познания?

– Если вы не знали, – прищурилась я на следователя, догадываясь, что он как раз-таки знает. – Я прожила в браке с Кириллом пять лет, соответственно, общалась с его друзьями, а многое о них мне рассказывал сам Кирилл.

– Даже такие подробности? – усмехнулся Сергей Дмитриевич.

Я усмехнулась в ответ и присела на стул, не отрывная прямиго взгляда от карих глаз.

– Однажды я обратила внимание на покрасневшие запястья Никитина и поинтересовалась у Кирилла, что с ним случилось. Вместо ответа в тот же вечер он приковал меня наручниками к спинке кровати и занялся со мной сексом.

Мужчина чуть стушевался и опустил глаза. Затем, сделав очередную затяжку, усмехнулся собственным мыслям и снова глянул на меня пронзительным взглядом:

– Понравилось?

– Личные вопросы? – подняла я брови, придвинув к себе стакан. – Беседа становится неформальной?

– Простите, – выпустил он дым в сторону, отводя глаза. – Не моё дело. Да. Не знаю, зачем я спросил.

– Всё в порядке, – улыбнулась я, двигая по столу бутылкой. Мне-то как раз ясно зачем. – Было не плохо, только запястья потом болели. У вас же имеются наручники. Вы разве

не экспериментировали?

– Не довелось, – снова посмотрел на меня мужчина.

– Обязательно попробуйте, – выразительно кивнула я, поднимая бутылку, чтобы налить себе ещё водки.

Но широкая ладонь следователя, перекрывшая доступ к стакану, не позволила мне это сделать. Я вопросительно посмотрела на мужчину, изучавшего меня взглядом.

– Олеся, – произнёс он и, чуть нахмурившись, оговорился: – Вы не против, если мы перейдём на “ты”? – Нисколько, – кивнула я, всё также ожидая ответа на свой взгляд.

– Олеся, – повторил он напряжённым шёпотом. – Пожалуйста, остановись.

Я чуть смешалась от такого проникновенного обращения, но быстро взяла себя в руки. Поставила бутылку обратно на столешницу и, закрыв крышку, отодвинула её к стене. Затем посмотрела на Сергея свысока, полунасмешливым взглядом:

– Как пожелаете, гражданин начальник.

– Отлично, – тихо рассмеялся он, определяя стакан рядом с бутылкой и, сделав очередную затяжку, с тихим шипением уголька об воду потушил окурок. – Я обязан задать тебе следующий вопрос.

– Валяй, – мне стало приятно, что в интонации его голоса слышалось извинение.

– Что ты делала одиннадцатого февраля с 21.00 до 24.00?

– Время смерти Кирилла, – догадалась я.

– Верно, – сложив руки в замок, подтвердил Сергей.

– У меня был выходной. Соответственно, я была здесь, – пожала я плечами.

– Кто-нибудь может это подтвердить? – расцепив руки и чиркая что-то себе в блокнот, поднял он глаза.

– Водка говорить не умеет, – усмехнулась я. – Мебель тоже.

Сергей вздохнул и через секунду, оторвав от меня сканирующий взгляд, снова оставил запись в блокноте.

– Остаюсь подозреваемой, – кивнула я, а руки так и чесались снова придвинуть бутылку и налить себе водки.

– У тебя нет алиби, – просто ответил он, возвращаясь взглядом ко мне.

– Алкоголизм не достаточное алиби? – горько рассмеялась я, посмотрев на бутылку вожделенным взглядом.

– Ещё не решил, – усмехнулся он. – Почему ты начала пить? Это случилось после проигранного в суде иска?

Сами ответчики на суд не явились, отправив своего представителя в лице пухлого адвоката с лоснящимся лицом. Тот своими толстыми пальцами передал судье все ложные заключения с больницы, в которую меня доставили сразу после происшествия, и заявил свидетеля. С моей стороны единственным, кто согласился стать свидетелем, была моя коллега с бывшей работы. Но ещё до начала заседания ей позволили на сотовый, и она без объяснений исчезла, оставив меня на растерзание осуждающим взглядам остальных участников процесса.

Меня допросили. Я, как смогла, подробно рассказала о случившемся, обливаясь слезами, потому что невыносимо страдала, вспоминая. Потом говорил представитель ответчиков. Как говорил – врал. Зачитали вслух бумаги, но я стойко перенесла прочитанную ложь – осуждающих взглядов с каждым зачтённым словом становилось всё больше. Затем в зал вызвали свидетеля со стороны ответчиков, ведь с моей стороны таковых не оказалось.

В зал, хлопая ресничками, процокала на невыносимо высоких каблуках Кристина Наумова. Встала у стойки и улыбнулась судье. Женщина холодно проигнорировала её улыбку и после всех обязательных вопросов про правду и ничего кроме неё задала вопрос касаясь рассматриваемого дела:

– Вам знакома истец – Кольцова Олеся Витальевна?

– Да, – пискнула та и глянула на меня надменным взглядом.

– Охарактеризуйте её как человека.

– Ваша честь, – оторвала она от меня взгляд, посмотрев на судью. – Пропащая дамочка. Совершенно.

– Что вы подразумеваете? Подробнее, пожалуйста.

– Мы с ней виделись в разное время на протяжении пяти лет. И ни разу она не была абсолютно трезвой. Её муж пытался бороться с пагубной страстью супруги: отправлял на лечение в специализированные клиники; забирал деньги, кредитки и так далее; с завидной периодичностью избавлял квартиру от приобретённого ею алкоголя. Но, как мы теперь

видим – всё зря.

– Ты всё врешь, чертова дрянь! – не выдержала я и, получив в свою сторону строгий взгляд от своего адвоката, затем и от судьи, тихо буркнула извинения.

– Я поклялась говорить правду, – притворно оскорбилась Кристина, для эффекта положив руку на сердце.

Я проглотила язву, вертевшуюся на языке, но удостоила её испепеляющим взглядом.

– Что вы скажите об ответчиках? – спросила судья.

– О! Достойные мужчины. Достойные. Как я уже сказала ранее, Кирилл пытался ей помочь. Но после случая с больницей, он понял, что бессилен. Подал бумаги на развод. Думаю, она именно поэтому решила пойти в суд – отхапать часть его состояния, чтобы продолжать своё разрушение. Ведь при разводе ей не досталось ничего.

– Мне не нужны его грязные деньги! – снова не удержалась я.

– Истец! – стукнула молотком судья. – Ещё одно высказывание без разрешения суда, и вас удалят из зала.

– Простите.

– Остальные? Никитин и Прохоров. Как вы считаете, почему они участвуют в исковом заявлении?

– Ваша честь, не представляю! – воскликнула она, округлив глаза. – Рассчитывает на сумму втрое больше, чем заплатил бы один из них, наверное.

– Вы уверены, что не один из ответчиков не смог бы на-

пасть на истца?

– Уверена, ваша честь, на сто процентов. Люди они добрые и заботливые. Я знаю их уже много лет, и ни одного подобного прецедента не случилось. Думаю, у истца просто-напросто не все дома, – на последней фразе она прожгла меня язвительным взглядом.

– Прошу вас – выражайтесь культурным языком. Вы находитесь в суде.

– Простите, ваша честь. Истец – сумасшедшая. Я бы на вашем месте отправила её на обследование в психиатрическую больницу.

– Вы не на моём месте, – смерила её холодным взглядом судья. – И суд сам решит, что делать.

– Да. Извините, – тихо пискнула Кристина и опустила голову.

– Вы свободны, свидетель. У вас есть право остаться в зале суда и прослушать решение по данному делу или же покинуть нас.

– Спасибо, я останусь.

Прозвучал удар молотка, затем сильней голос судьи:

– Суд удаляется в совещательную комнату для принятия решения по ходатайству.

Спустя некоторое время я в полной прострации выслушивала заключение суда из уст прокурора о решении об отказе в удовлетворении исковых требований. Кристина при этом еле сдерживала триумфальную улыбку, но глаза её блестели

от осознания собственного величия. Думаю, эти показания – одна из причин, почему Прохоров так долго держал её возле себя.

Возвращаясь домой, я со всей ясностью осознала собственную ничтожность. Людям с деньгами испокон веков удавалось уходить от ответственности, и я даже не знаю, чего хотела добиться этим иском. Мой адвокат мне так и говорил, но я была непреклонна. Все мои увещевания суду остались без внимания. Они поверили лживым бумагам и свидетельству. Решили, что я пьющая и что со мной действительно покончено. В тот день я почти залпом выпила бутылку виски. Почему бы и не оправдать все их заключения?

– Да, – ответила я и скривилась, прогоняя воспоминания, разрушившие веру в человечность.

– Олеся, – проникновенно произнёс Сергей, чуть подавшись в мою сторону, и накрыл мою руку своей тёплой ладонью. – Помоги мне разобраться в твоём мотиве. Расскажи, с чего всё началось.

– То есть подтвердить, что он у меня всё же есть? – усмехнулась я, медленно убрав руку. – Он есть, как ты сам догадывался, и как я говорила ранее – Кирилл и его друзья убили моего ребёнка и лишили меня возможности когда-нибудь стать... мамой, – я сглотнула перед последним словом, потому что до сих пор мучительно больно это признавать. – Но я их не убивала.

Сергей устало уткнулся лбом в свои бумаги на столе.

Вздохнул, шевельнув широкими плечами, и, распрямившись, снова посмотрел на меня напряжённым взглядом.

– Я всё меньше верю, что это могла сделать ты, – тихо сказал он. – Но я должен узнать тебя лучше. Узнать твою историю. Чтобы окончательно убедиться. Я всё ещё не понимаю, что они тебе сделали.

– Ладно, – вздохнула я, отклонившись на спинку стула. – Надеюсь, ты не торопишься.

Глава 3

– Не тороплюсь, – улыбнулся следователь.

– Может чаю или кофе налить? Раз водка под запретом, – невесело усмехнулась я.

– Да, кофе лишним не будет. Спасибо, – расслабился Сергей, откинувшись на спинку стула.

Я поднялась и включила чайник, затем достала две керамические кружки.

– Кофе паршивый, предупреждаю сразу.

– Не смертельно, – весело произнёс он за моей спиной.

Я знала наверняка, что он наблюдает за моими действиями, изучает, как недавно изучала его я. Станным образом повернулся наш разговор.

Рассказать с чего всё началось...

Начало уходит далеко в прошлое. Тогда в моей жизни ещё не появился Кирилл. Но появился Он. В жизни любой женщины рано или поздно появляется такой мужчина. Она влюбляет без памяти, забывая о всех своих правилах. Теряет голову от одного Его взгляда. Сходит с ума, не получая от Него сообщений. Умирает без Его общества. И искренне считает, что Он – тот самый, предназначенный ей самой судьбой.

Для меня этим мужчиной стал – Максим Свердлов.

Мы вместе учились в Строительном техникуме. Там пре-

имущественно учились парни. В одной нашей группе процент соотношения с девушками составлял 10 к 90. Для меня это не играло особой роли – я была сосредоточена на учёбе и потому первые несколько лет даже не замечала его. Он не лез на глаза в отличии от своих сокурсников, поначалу не дававших мне прохода. Я не реагировала на ухаживания и прочие знаки внимания, создавая себе репутацию непроступной и холодной стервы. Так было проще. Трудности мне были не нужны. Но на последнем курсе из другого города к нам в группу перевёлся особый фрукт. Крепкий орешек, которого не пугала моя репутация, а только раззадоривала. Он не давал мне продуху ни на парах, ни на переменах своим назойливым ухаживанием. И однажды моё терпение лопнуло.

– Ты! – взревела я, перебив преподавателя, и подскочила на ноги, сверля назойливого ухажёра презрительным взглядом. Все лица в аудитории обратились к нам, но я не обращала внимания, дойдя до точки кипения. Да я и не видела иного способа избавиться от него, кроме как унижить публично. – Как только пришло в твою безмозглую голову, что ты стоишь хоть одного моего ноготочка? С чего ты вообще решил, что я стану с тобой встречаться? Наивно считаешь себя особенным? – Я рассмеялась прямо в глаза ошарашенного парня: – Не-ет. Ты не то, что не особенный, а даже не привлекательный. И до меня тебе, как до луны пешком. – Я наклонилась к нему и, тыча пальцем в его надоевшую рожу, прошипела: – Хватит мне досаждать. Я устала от твоего

общества. Раз и навсегда запомни: я не нуждаюсь в знакомстве с ничтожеством, вроде тебя, – наблюдая, как он пытается сдерживать злость, я схватила свои вещи и выбежала из аудитории, одними губами попросив прощения у преподавателя.

На следующей паре его не было, а девочки меня укоряли в том, что я перегнула палку. В какой-то степени я с ними соглашалась, но, если способ сработает, не думала, что буду жалеть.

Учебный день закончился, и я пошла домой. Через дорогу от техникума стояла арка между домами, а за ней – заброшенный дом, именно через это место и проходила моя дорога к автобусной остановке. Не многие досиживали до последней пары, и по большому счёту я ходила одна.

Я только-только зашла в арку и почувствовала, как сзади меня крепко ухватили за хвост волос, вызвав мириады звёзд в моих глазах.

– Что ж. Теперь, стоная от боли, ты не чувствуешь себя такой уж великолепной? – прошипел мне в ухо Игорь. – А сейчас я покажу тебе, как стонать от удовольствия.

Он потащил меня в заброшенную многоквартирку. Я сопротивлялась, пыталась кричать, но он закрыл мне рот вонющей табачной рукой. Я запаниковала. Не так я представляла свершение момента своей женственности. Не в заброшенном доме и не принудительно.

Но благодаря судьбе или высшим силам, а может просто

самому Максиму этого и не произошло.

– Отпусти её, – слышался сзади его холодный голос.

Игорь замер со мною в руках и медленно повернулся лицом к Максиму.

– Отвали, а? Будь другом. Иди куда шёл, – он пытался казаться равнодушным, но я чувствовала, как его трясёт от злости.

– Отпусти её, – повторил Максим, сжимая кулаки.

– Серьёзно? – прокричал Игорь. – Ты сам слышал, как она меня унизила! Как я могу спустить ей это с рук? Как?!

– Быть мужчиной и достойно принять отказ, – спокойно произнёс Максим. – Она пыталась донести это до тебя нормальным языком, но ты не понимал. Сам виноват в том, что случилось.

– А она виновата в том, что случится сейчас! – снова проорал Игорь рядом с моим ухом, брызгая слюной от избытка чувств.

– Я тебе не позволю, – твёрдо сказал парень, играя желваками и не отводя напряженного взгляда от лица Игоря.

Игорь зарычал и со всей силы отбросил меня на землю. Я не ожидала, потому больно ударилась головой и до крови разодрала локоть об асфальт. Скрипя зубами, пытаюсь отгородиться от боли, быстро отползла от сбрендившего парня. А он повернул голову в мою сторону и смачно сплюнул. Затем посмотрел на Максима, от злости раздувая ноздри:

– Думаешь, она стоит твоего разбитого лица?

Максим не ответил и посмотрел на меня:

– Уходи.

Я покачала головой, поднимаясь на ноги.

– Уходи, – твёрже повторил он, смотря в мои глаза напряжённым взглядом. Я перевала взгляд на Игоря, на его обезумевшее от злости лицо, затем снова посмотрела на Максима. Он едва заметно кивнул, давая понять, что всё будет отлично, и я, благодарно кивнув в ответ, развернулась и побежала.

Весь следующий вечер и ночь я провела в переживаниях. Я мучилась из-за своих опрометчивых слов, из-за своего нетерпения и не обдуманного как следует поступка. Беспокоилась о Максиме, надеясь, что он сильно не пострадал, и благодарила судьбу, что он вовремя вмешался.

На следующий день в техникуме первым делом отыскала его. От сердца мгновенно отлегло, когда увидела, что на первый взгляд Максим в порядке. Он сидел у окна на последней парте в кабинете математики, о чём-то задумавшись, и смотрел в пространство. Вот тогда-то я и рассмотрела его по-настоящему. Длинноватые чёрные волосы, небрежно зачёсанные назад; правильный профиль с прямым носом и волевым ртом; чёрные ровные брови над насыщенно карими глазами. Он был красив, чертовски. А может для меня эту красоту создал его новоприобретённый ореол спасителя. Я улыбнулась самой себе и, пропорхнув по аудитории, присела рядом с ним. Моё появление вывело его из раздумий, и он чуть удивлённо глянул на меня.

– Спасибо, – выдохнула я и улыбнулась.

– Всегда пожалуйста, – усмехнулся он и, чуть сдвинув брови, добавил: – Но ты уж будь поаккуратней в следующий раз.

– Следующего раза не будет, – твёрдо кивнула я, потупив взгляд. Стало нестерпимо стыдно за вчерашний день.

– Не грузись, – тихо рассмеялся Максим и легонько пихнул меня своим плечом, от чего я испытала ранее не знакомое чувство волнения. Я покраснела, а улыбка Максима стала шире, что ещё больше добавило моему лицу краски. А от созерцания белоснежной улыбки сердце забилось быстрее. Наверное, именно в то мгновение я и влюбилась. В первый раз в своей жизни. И последний.

– С Игорем всё в порядке? – спросила я, чтобы как-то отвлечься от притягательных губ.

– Живой, – хохотнул Максим.

– Вы всё-таки подрались? – ахнула я, округлив глаза.

– Нет, – заулыбался он. – Как только ты ушла, он остыл и понял, что здоровье ему дороже, чем месть тебе. Но теперь он знает, что выбранным им способом проблемы не решаются. И я предупредил, что прослежу, чтобы в его голове не рождались подобного рода мысли. Так что, по идее, тебе больше не должно ничего угрожать.

Я порадовалась, что никто не пострадал, и что теперь освобождена от внимания Игоря. Благополучный исход, на мой взгляд.

– Но как ты там оказался? – недоумевала я, вспомнив его

появление так вовремя.

– Пошёл за тобой после занятий, – пожал он плечами, как будто это само собой подразумевалось.

– Только не говори, что у тебя были те же мысли, что и у Игоря, – закатила я глаза, преувеличенно тяжело вздохнув.

Максим рассмеялся и откинулся на спинку стула, я повернула к нему голову через плечо, разглядывая смешинки в его красивых глазах и всё ещё ожидая ответа на свой вопрос.

– Я предполагал что-то подобное, – вздохнул он, сложив свои широкие ладони на бедрах. – Потому и пошёл следом за тобой, чтобы подстраховать.

– А я даже не думала, что он настолько неуравновешенный, – печально вздохнула я и посмотрела прямо перед собой. – Огромное тебе спасибо. Содрогаюсь при одной мысли, что бы случилось, не окажись ты рядом.

– Всё позади, – услышала я неожиданно совсем рядом и почувствовала сбоку тепло его тела. Дыхание сбилось, но я взяла себя в руки и медленно повернула к нему лицо, подняв взгляд от его губ к глазам. При этом я, кажется, прикусила нижнюю губу. Максим посмотрел на мои губы и, сглотнув, отстранился, затем, выдохнув, улыбнулся, отведя взгляд в сторону, и снова о чём-то задумался.

– Благодаря тебе, – еле слышно шепнула я.

Прозвенел звонок, и, улыбнувшись Максиму напоследок, я пересела на своё место.

Следующие несколько дней мы не общались. Игоря тоже

видно не было. Всё мои мысли занимал Максим, отвлекая от учёбы и привычных дел. Находясь в техникуме, я постоянно наблюдала за ним, дома – вызывала его образ в своей голове. Мучилась от осознания помешанности на нём, но мне нравились чувства, что он во мне вызывал. Постепенно Максим стал мне необходим как воздух, и я должна была что-нибудь предпринять, чтобы наше общение продолжилось. Наконец, я заметила, что Игорь так и не появляется на парах и посчитала это веским поводом, чтобы начать разговор с Максимом. Застать его одного оказалось невероятным делом – всегда рядом были его друзья. Но через неделю после случая у заброшки, во вторник, мне удалось-таки это сделать. Я шла на следующую пару и увидела его одинокую спину у окна в коридоре. Сердце радостно трепыхнулось, и я зацокала каблуками по направлению к нему.

– Привет, – улыбнулась я, выводя его из раздумий.

Максим, чуть нахмурившись, перевернулся, облокотившись спиной на подоконник и, коротко улыбнувшись, сложил руки на груди.

– Привет, – кивнул он, наклонив голову к правому плечу и разглядывая меня оценивающим взглядом. Естественно, к моим щекам прилила горячая кровь. Я отвела взгляд на дерево с опадающей листвой за окном, пытаюсь справиться с охватившим меня волнением, и нервно перестукнула ногтями по подоконнику.

– Всё в порядке? – поинтересовался он, снова чуть нахму-

рившись.

– Да, – выдохнула я, коротко рассмеявшись, и заглянула в волнующие моё глупое сердце глаза. – Игорь. С ним точно всё в порядке? Он давно не появлялся.

– Тебя это огорчает? – усмехнулся он, подняв брови.

– Нет, – закатила я глаза. – Просто интересно, что с ним произошло.

– Не намекаешь ли ты на криминальные действия с моей стороны? – прищурился он, смотря на меня насмешливым взглядом.

– Перестань, – улыбнулась я, легонько хлопнув его ладонью по плечу. Ощущение его твёрдых мышц заставило моё сердце стучать ещё быстрее, и я чуть дольше, чем это требовалось, задержала свою ладонь на его руке.

Максим усмехнулся и посмотрел куда-то мимо меня, а я поспешила одёрнуть руку.

– А вот и предмет нашего разговора. Цел и пышет здоровьем, – рассмеялся Максим, кивнув мне за спину. Я быстро обернулась и убедилась в словах Максима. Игорь заметил мой взгляд, поджал губы и, глянув с призрением на Максима, отвернулся.

– Отлично, – кивнула я сама себе и в следующую секунду скороговоркой проговорила то, что сама от себя не ожидала: – Сходим куда-нибудь после занятий?

Максим замер, недоумённо подняв брови. Я смутилась, опустив глаза, и, разворачиваясь, чтобы уйти, быстро сказа-

ла:

– Прости. Забудь, что я сказала.

И не дожидаясь ответа, со скоростью света пошла куда глаза глядят, по дороге сталкиваясь с телами других учащихся. В ушах звенело, я постоянно извинялась, натолкнувшись на очередного студента, мысленно ругала себя за провальную инициативу и успокоилась только тогда, когда оказалась в спасительной тишине кабинки женского туалета.

Следующую пару я просидела там же. А все оставшиеся провела, уткнувшись в учебники, сгорая от стыда и мучаясь от осознания собственного ничтожества. Наконец, изматывающий мои нервы день закончился, и я поспешила домой, чтобы вволю насладиться самобичеванием. Прошла арку и остолбенело замерла, увидев Максима, небрежно облокотившегося на торец дома. Он улыбнулся, подняв на меня глаза с пляшущими в них смешинками:

– Да, давай куда-нибудь ходим после занятий, – (я облегчённо улыбнулась и подошла ближе), а он продолжил, всё так же озорно улыбаясь: – Забыть то, что ты сказала, я не в силах.

– Как высокопарно, – повела я бровями, качнувшись с пятки на носок.

– По-другому не умеем, – рассмеялся он и оттолкнулся от стены. – Пошли?

– Да, пойдём. А ты уже знаешь куда?

Весь остаток дня и вечер мы провели вместе. Катались

на каруселях, поужинали в кафе, просто гуляли и общались. Общение держалось на дружеской ноте – никаких романтических намёков, томных взглядов, случайных касаний. Подкалывали друг друга, шутили и смеялись, в особенности я. Мне ужасно хотелось казаться не только красивой, но и остроумной. Меня пугало то, что происходило, но останавливать себя я не намеривалась. Мне нравилась его компания и чувства, что я испытывала рядом с ним.

Ближе к ночи, когда он проводил меня до моего подъезда, выяснилось, что он живёт в пригороде. Мне не хотелось, чтобы он провёл несколько часов на остановке в ожидании нужного автобуса, и потому я предложила ему переночевать у меня. Поупиравшись слегка, он сдался под моим доброжелательным напором и согласился. Жила я в однушке, выделенной мне государством, и потому постелила ему на полу, и, выпив чаю, мы улеглись спать. Все напряжённые часы до того момента, когда я смогла уснуть, были наполнены острым томлением от осознания, что он совсем рядом. Ужасно хотелось, чтобы он лёг рядом, но в тоже время я не могла не порадоваться, что он не воспользовался моментом.

На следующий день всё повторилось, вплоть до ночёвки. Только в этот раз он молча остановил меня от расстилания его спального места на полу и, хулигански улыбаясь, улёгся на мой диван. Я хмыкнула и перебралась через него к стене, повернувшись к Максусу спиной. Мы пожелали друг другу спокойной ночи, и через пару минут я почувствовала тепло

его тела у себя на спине. Он обнял меня одной рукой и сплёл свои тёплые пальцы с моими. Так мы и лежали под моё ба- рабанящее сердце, пока не уснули.

Наше общение продолжалось в том же ключе ещё неде- лю. Мне становилось невыносимо мало, а он продолжал быть мне просто другом. Я чётко знала, что нравлюсь ему не мень- ше, чем он мне, но что-то его останавливало. Что именно я узнала на вечеринке у одноклассницы в честь её дня рожде- ния. Я выпила всего один бокал вина – по настоянию самой именинницы – но и его хватило, чтобы я набрала целую тон- ну смелости. Я взяла Макса за руку и отвела прочь от гал- дящих людей в тихий полумрак коридора. Положила ладони на его плечи, томным взглядом заглядывая в его глаза, при- встала на цыпочки... Макс тяжело выдохнул и посмотрел в сторону, через бесконечно долгую минуту, на протяжении которой я чувствовала себя никчёмной соблазнительницей, он снова посмотрел мне в глаза, отнял мои руки от своих плеч и, приблизив их к своим губам, по очереди поцеловал каждую.

– Что не так? – нервно хохотнула я, переставая понимать что-либо.

– Олесья, – выдохнул он, пронзая меня болезненным взгля- дом. – У меня есть девушка.

– Оу, – только и смогла произнести я, быстро выдернув руки и пятясь от него. Он хотел что-то сказать, но я остано- вила его взмахом руки: – Не надо. Ничего не говори.

Сказать, что я была в шоке – ничего не сказать. Я была поражена до глубины души, не могла поверить, что всё закончилось, не успев начаться, не знала, кого следует винить – его, что так долго молчал или себя, не сумевшую вовремя понять, в чём дело.

Продолжая находиться в прострации, я медленно развернулась и, цепляясь за стены, побрела к выходу из квартиры. Но меня остановила его рука, обхватившая моё предплечье.

– Не смей! – вырывалась я, начиная злиться.

Макс сжал зубы и, обхватив меня за плечи, прижал к стене, упёрся коленкой в стенку между моих ног, прекращая все мои попытки вырваться, локтями прижал мои плечи к стене, обхватив ладонями лицо.

– Прости, – надтреснуто шепнул он. – Прости, что так долго молчал. Я с ней ужасно давно, а ты... Не могу устоять перед тобой... – Он на мгновение прижался лбом к моему лбу, затем снова заглянув мне в глаза страдающим взглядом, продолжил: – Пытался. Но ты необыкновенная.

– Отпусти меня, – прошелестела я и попыталась его оттолкнуть, упираясь ладонями в его плечи.

Макс сильнее сжал моё лицо и, молниеносно наклонившись к нему, поцеловал. Я упиралась буквально секунду, а затем растаяла. Его мягкие губы растворили все мои мысли. Я так долго ждала этого поцелуя, так желала, так мечтала о нём... Сердце погнало кровь по моим венам, унося моё сознание в далёкие дали. Его язык проникал всё глубже, за-

ставляя сердце ухатъ внизу живота, натягивать тугой комок нервов, томиться от желания большего. Желания большего с несвободным мужчиной. Чёрт!

Я собрала все силы и сильнее оттолкнула Макса – он чуть расслабился и потому у меня всё вышло.

– Не смей прикасаться ко мне когда-либо ещё! – зло прошипела я и, схватив сумку и ветровку, выбежала за дверь.

Щёлкнул чайник, заставив меня вздрогнуть и вернув в реальность. Следователь тоже брюнет и глаза у него карие, правда, не такие насыщенные, как у Макса. Я налила кипятка в обе кружки и, посмотрев на Сергея через плечо, спросила:

– Сколько кофе?

– Две ложки будет достаточно.

– Сахар?

– Не нужно, – кивнул он, прикуривая другую сигарету.

В прошлой жизни я тоже пила кофе без сахара, но сейчас добавляю ложку, чтобы хоть как-то скрасить вкус дешёвого напитка.

Глава 4

Поставив одну из кружек у локтя следователя, я заняла своё место и отхлебнула безобразный напиток из своей, обжигая губы и горло. Поморщилась и, бросив короткий взгляд на бутылку с водкой, посмотрела на Сергея. Его взгляд был устремлён в окно, на хлопья падающего снега за ним; локти покоятся на столешнице, а сигарета дымится у самого лица, так как он поддерживал подбородок двумя большими пальцами рук. Глаза живые с хорошо различимым блеском ума. Выражение лица с небольшим налётом задумчивости.

Пытается разгадать загадку, где вроде бы всё очевидно, но не совсем просто.

– Давно служишь в убойном отделе? – нарушила я молчание, раз он сам не задаёт вопросы.

– Года четыре, – улыбнулся он, вернувшись ко мне взглядом и стряхивая пепел с сигареты в импровизированную пепельницу.

– Нравится?

– До сих пор не решил, – вздохнул он, но взгляд лучился смехом.

– Много раскрытых дел?

– Достаточно, – кивнул он, а уголки губ поднялись в улыбке: – Мы, не сговариваясь, поменялись местами?

– Есть своя прелесть в задавании вопросов, – криво улыб-

нулась я. – И, если это не возбраняется, хотелось бы узнать тебя получше.

– Валяй, – ответил он на мой манер и, лукаво улыбаясь, отклонился на спинку стула, положив ладони на край стола.

Я тихо рассмеялась, оценив юмор, и опустила глаза, думая над следующим вопросом.

– Кольца нет, значит – не женат. Но, может быть, влюблён?

Он на секунду опешил от подобного вопроса, но, быстро взяв себя в руки, ответил:

– Нет. Законченный трудоголик, – невесело рассмеялся Сергей, чтобы скрыть – не знаю – печаль? – и тут же спросил, уводя меня от затронутой темы: – А ты? Работаешь? Мне известно, что ты работала в престижной дизайнерской компании, но уже полтора года, как уволилась по собственному желанию. Ссылку на официальное трудоустройство я больше не нашёл. Трудисься по договору?

– По собственному желанию, – повторила я лживую формулировку моего увольнения, усмехнувшись.

В прекращении моей блестящей карьеры свою роль сыграл тоже Кирилл. Точнее, его связи. Конечно, доля моей вины присутствовала, ведь в последние полгода я не расставалась с бутылкой рома. Но мой начальник легко это переживал, надеясь, что в конце концов я приду в себя, да и не хотелось ему терять отличного работника. Клиенты всегда оставляли хорошие отзывы о проделанной мной работе.

С начальником отношения у нас были тёплыми. Солид-

ный мужчина в возрасте, взявший на себя бразды правления фирмой, что открыла его легкомысленная жена по мановению минутного желания. Естественно, не справилась. А муж углядел перспективы неплохого заработка и с головой окунулся в управление. Однажды признался мне, что сам от себя не ожидал подобного рвения.

И вот в один прекрасный день он пригласил меня к себе в кабинет.

Я сразу почувствовала, что разговор будет тяжёлым. Возможно, на уровне подсознания ожидала что-то подобное от Кирилла. Знала, что захочет добить. Лишить всех оставшихся крох прежней налаженной жизни. За то, как я с ним поступила, он, скорее всего, чувствовал себя обязанным уничтожить меня во всех аспектах существования. Лишить меня ребёнка оказалось малой ценой, что я могла заплатить, по его мнению.

– Олесья, – тяжело вздохнул Олег Петрович и раздражённо скривился. – Ты – отличный работник. Первоклассный дизайнер. Но твоя пагубная страсть в последние полгода вынуждает меня попросить тебя уйти. Оставить нас. Возможно, на время, – тут же оговорился он, – А как придёшь в себя окончательно – милости просим. А сейчас, Олесья, это перебор.

Врал. Говорил то, что не хотел говорить. Я отчётливо видела, как он кривил душой, выжимал благоверную причину, чтобы со мной попрощаться. Видела, как он раздражён от

того, что приходится идти на чьём-то поводе. Ему это не по душе, но, видимо, угроза глобальная, иначе бы он плюнул на неё.

– Кирилл, – усмехнулась я и посмотрела прямым взглядом в глаза начальника.

Он на секунду стушевался, а затем порывисто выдохнул.

– Он перекрыл мне кислород, Олесь! – воскликнул он и хлопнул ладонью по столешнице, что нас разделяла. Я улыбнулась, только это мне и оставалось, а Олег Петрович вдруг разозлился и подскочил на ноги: – И ты хороша! – тыкнул пальцем в мою сторону. – Зачем пьёшь? Зачем разрушаешь свою жизнь? Если бы не это, хрена с два я позволил бы ему мне указывать! Но на кону репутация фирмы. Мой собственный заработок, моя прибыль, да и другие работники, которым нужна работа. Олесья! – навис он надо мной, источая бесконечное сожаление. – Берись за голову. Прекращай. Затаись на годик и возвращайся. Ему не к чему будет придраться.

– Позволили бы, – тихо произнесла я.

– Что? – не понял он меня и озадаченно сдвинул брови, отстранившись.

– В любом случае позволили бы ему вам указывать, – почти по слогам проговорила я, наблюдая, как с каждым словом меняется его лицо. Кирилл нашёл бы на что надавить и без моего прогрессирующего алкоголизма.

– Ты что несёшь? Ты мне как дочь! Я не хочу, чтобы ты уходила!

– Но мне придётся, – усмехнулась я. Так с дочерями не поступают. Ради детей идут на любые жертвы. Я бы пошла. – Давайте прекратим ваши “отцовские” мучения – бумагу и ручку, пожалуйста, – говорила я холодно, даже не скрывая насмешливых кавычек на определённом слове.

Олег Петрович зыркнул на меня злым взглядом и резкими движениями выполнил мою просьбу. Через пять минут я покинула его кабинет, даже не попрощавшись. Остальные проводили меня жалостливым взглядом. Я источала самую холодность, потому что их жалость мне требовалась в последнюю очередь. Тем более, что большинство считали меня меркантильной стервой, которую бросил состоятельный муж без гроша в кармане, а затем и устроившей целый цирк, чтобы хоть что-то поиметь от бывшего.

Следующий год я постепенно скатывалась в глубокую яму безразличия и саморазрушения, которую сама же для себя и вырыла. Мне стало в ней удобно. Теперь меня ничто не обязывало, и я могла без зазрения совести и настолько часто, насколько хотелось, уходить от реальности.

Но деньги кончались. Драгоценности, что я закладывала, испарялись с невероятной скоростью. Далее бездельничать не представлялось возможным, ведь нужно же было на что-то покупать алкоголь.

Решение моей проблемы подвернулось неожиданно, в том самом магазине, где я покупала бутылку водки на последние гроши.

– Я мою пол в магазинчике соседнего дома, – доложила я, делая ещё один глоток невкусной жидкости.

Сергей удивился, не знаю, оправданно ли. Водка и дешёвый кофе должны были предполагать что-то подобное. Но он, по всей видимости, ненадолго об этом забыл.

– Моешь пол... – как-то глухо отозвался он, делая очередную затяжку.

– Работа вполне соответствует моему образу жизни, – подняла я брови, с намёком что и так всё очевидно.

– Да. Работа, как работа, – словно очнулся он, чем вызвал мой смех. – Что смешного? – тоже улыбнулся он, искренне недоумевая.

– Не ты первый, кого моя внешность заводит в заблуждение в последнее время, – объяснила я. – Начальница магазина тоже была удивлена, когда узнала, на какую должность я претендую.

– Да, немного обескураживает, – признался он, поглядывая исподлобья и стряхивая пепел с сигареты. – От чего такой выбор? Разве не нашлось других престижных фирм, готовых нанять хорошего специалиста?

– Я не искала, – выдохнула я, возвращаясь в свою разбитую жизнь. – Той меня больше не существует. Не существует её планов, желаний, прогнозов на будущее. Исчезла. Умерла. Точнее была убита вместе с её ребёнком.

Улыбка исчезла с лица Сергея, как лавина снега сходит с гор. В глазах промелькнула жалость, что заставило меня

скривиться.

– Мне очень жаль, – на выдохе произнёс он и заглянул в глаза. – Зачем Кириллу понадобилось убивать ребёнка?

– Затем, что он был не от него, – твёрдо произнесла я и в то же мгновение словно ощутила на своих плечах лавину снега, что стерла улыбку с лица моего допросчика.

Признаться, что изменила мужу, я боялась. Но хорошо помнила, что он не терпит лжи, и если правда всё же однажды всплывёт, последствия сравнятся с ураганом самого высокого балла.

Кирилл тоже мне изменял и начал задолго до того, как я сама не смогла устоять перед соблазном. На измены смотрела сквозь пальцы, в конце концов, я его не любила той любовью, от которой разрывает сердце из-за подобного предательства. Мне было просто комфортно в нашем браке. Думаю, ему тоже. И я себя убедила, что если признаюсь сама и намекну ему на его собственные измены, буря пройдёт гораздо тише.

Я ошибалась.

Бури вообще не было.

– Вот как, – тихо произнёс он, когда я без особых эмоций сообщила, просто как факт, о случившемся.

– Извини. Надеюсь, ты не сильно расстроен, – еле сдерживая насмешливый тон от его холодной реакции и отложив приборы, я посмотрела на него.

– Доля горечи всё же есть, – тоже прекращая ужин, блес-

нул он глазами в мою сторону. – Немного неожиданно, но спасибо, что сказала.

– Не за что, – всё же не смогла удержаться я от смешка.

Он поднялся со своего места и подошёл ко мне.

– Спасибо за ужин, – он улыбнулся и, наклонившись, поцеловал меня в щеку, в то же время положив ладонь с тонкими ухоженными пальцами мне на плечо. Через секунду, обжигая горячим дыханием, шепнул на ухо: – Уверен, что ты больше не допустишь измен со своей стороны, – и до боли сжав моё плечо, отстранился и снова улыбнулся.

– Не допущу, – холодно согласилась я, мысленно горько надсмехаясь над тем, что соблюдать верность супругу единственно моя обязанность.

В ту ночь он имел меня особенно агрессивно, словно намереваясь выветрить любые воспоминания о близости с другим мужчиной.

Через некоторое время я поняла, что забеременела. Моему счастью не было предела. Все мои мыслимые и немыслимые желания, мечты, надежды повеяли реальной способностью в скором времени сбыться. Я верила и не верила, что это случилось наяву. Представляла себя с округлившимся животом и постоянно прикладывала к нему руку в совершенно глупой надежде на таком раннем сроке почувствовать жизнь грядущего чуда. Боже! Я была безоговорочно и фантастически счастлива! До дрожи в коленях. До бессознательных улыбок. До бабочек в животе. Меня переполняла немис-

лимая любовь к ещё неродившемуся существу. К моей крошке. Невероятные ощущения, которые не повторятся никогда.

Завести с Кириллом ребёнка мы пытались уже не один год. Что с моей, что с его стороны по состоянию здоровья было всё в порядке, но беременности так и не случилось. Кирилл, шутя, говорил, что всему своё время и не нужно отчаиваться. Я верила ему, мне и ничего не оставалось больше.

Нужно было задуматься хотя бы на мгновение, почему я забеременела сразу после известных событий, но я находилась в такой эйфории, что думать связно дольше пяти секунд подряд была не способна.

Вернувшись от гинеколога с точным подтверждением, что ближайшие несколько месяцев в моём теле будет расти новая жизнь, я застала Кирилла в гостиной, сидящим на огромном диване – который сюда определила сама же, когда ещё раньше занималась оформлением его квартиры – с ноутбуком на коленях.

Я буквально пылала радостью, что, конечно же, не могло остаться не замеченным Кириллом. Оторвав взгляд от экрана компьютера, он лукаво прищурился на меня и спросил:

– Что за грандиозное событие, заставляющее тебя светиться? Не терпится узнать.

– Ребёнок! – завизжала я, не в силах далее терпеть счастье в одиночку. – Мы станем родителями!

Лицо Кирилла превратилось в маску, а брови медленно и надменно поползли вверх. Впрочем, я заметила это краем

сознания, тая от предвкушения открывшихся перспектив – мысленно представляла, как маленькие и пухлые ручки будут обнимать меня за шею. Кирилл тем временем холодно произнёс:

– Вот как, – знакомая интонация вернула меня с небес на землю. Сердце, запнувшись, побежало галопом. Если бы я подумала об этом раньше... Я могла спасти моего кроху. Могла. Но не спасла.

– Ты станешь родителем. Но не я, – мерно и подозрительно спокойно продолжил он, и лишь глаза на мгновение сверкнули огнём ярости.

– Ты так уверен, что ребёнок не от тебя? – упавшим голосом спросила я, лихорадочно обдумывая ситуацию.

– Уверен, – кивнул он, минуту молчал, напряжённо всматриваясь в моё лицо и, отложив ноутбук, преувеличенно ободряюще хлопнул себя по коленям: – Нет! Я передумал. Мы станем родителями. Ты всё верно сказала, – весело рассмеялся и, встав с дивана, подошёл ко мне. Обнял. Обхватил ладонями моё лицо и коротко коснулся моих губ своими.

– Великолепное событие. Мы со всем справимся, обещаю. Я воспитаю его, как своего.

Я нервно улыбнулась в ответ. Мне следовало догадаться о том, что он задумал. Но моё глупое сердце не позволяло рационально мыслить.

– Не от него, – эхом повторил следователь, а в глазах промелькнуло понимание.

– Что? – усмехнулась я. – С каждой секундой думаешь обо мне всё хуже?

– У меня сложилось впечатление, что тебе плевать, что о тебе думают. Это не так? – прищурился Сергей и, дрогнув в улыбке, затушил сигарету.

– Так, – удивилась я сама себе, поймав себя на мысли, что в его глазах хотелось бы выглядеть лучше. Почему? Видимо, его искренний интерес зародил в моём мёртвом сердце желание, чтобы меня поняли. Ведь никто не смог.

Наблюдая за моим удивлённым выражением лица, Сергей улыбнулся уже открыто, а в его глазах я углядела нежность. Сердце тут же отреагировало, глухо стукнув о рёбра. Я отвела глаза, посмотрев на руки, пальцы которых были лишены хотя бы какого-нибудь подобия маникюра, сжимавшие кружку с начинающим остывать напитком. И вдруг захотела объяснить:

– Один раз. Я изменила ему всего один раз. Я не планировала этого – так сложились обстоятельства. Повторять опыт не собиралась. И когда узнала, что беременна, естественно решила, что нам с Кириллом наконец-то улыбнулась судьба. Как выяснилось позже – Кирилл не хотел детей и заботился о том, чтобы я не забеременела.

– Как? – поразился Сергей, нахмутив брови.

– Таблетки. У него была традиция каждый раз после секса выпивать стакан молока. Он настоял на том, чтобы и я присоединилась к этой традиции, ещё и лживо апеллируя тем,

что это полезно для зачатия. Туда он и кидал таблетку экстренной контрацепции.

– То есть он делал вид, что ребёнка хочет, но на самом деле не хотел? – на мгновение поднялись брови следователя, а губы сжались в полоску. – Почему?

– Я предполагаю, что дело в его отношениях с отцом. На первый взгляд, они всегда и во всём были за одно. Но Кирилл-старший – деспот. Ему нужно было, чтобы сын ему во всем подчинялся. Именно так мы и поженились, кстати. Кириллу хоть и претили настояния отца на свадьбе, но он не был сильно против – в моём лице партия была солидной. А затем Валерий Михайлович захотел внуков. И тут Кирилл уже шёл на поводу своих желаний, обманывая всех вокруг.

– Почему Кирилл просто с тобой не развёлся, когда понял, что ребёнок не его?

– Потому что Кирилл не был тем человеком, который легко прощает ошибки других людей.

Глава 5

Сергей задумался и минуту молча цедил кофе. Затем глаза его озарились догадкой, и он чуть подался вперёд, положив локти на стол.

– А ты знаешь кого-нибудь, кому он так же не прощал ошибок?

Похвально. Не теряет надежду найти убийцу, цепляясь за любую соломинку. Я удержала улыбку – мужчины, жаждущие добраться до истины, меня всегда восхищали. Жаль таких мало. Да и то, что он уже меньше верит, что это моих рук дело, безусловно грело душу.

– Думаешь, ему отомстили? – тоже подавшись вперёд, не смогла удержаться от смешка я.

– Всё может быть, – пожал он плечами.

– У тебя всё мотивы завязаны на месте? – уже открыто и по-доброму насмешливо улыбалась я.

– Такая у меня работа, – чуть недовольно скривился он, но хорошее настроение я ему не испортила.

– А текущие дела? Может он просто кому-то мешал? – прищурилась я, сверля его взглядом.

– Никаких существенных дел на момент смерти он не вёл. Меня бы не было здесь – будь по-другому, – усмехнулся он, а взгляд карих глаз словно укорял за то, что я так могла подумать.

– Рада, что так вышло, – тихо произнесла я, наблюдая за его реакцией на мои слова.

Он на секунду опешил и сглотнул, быстро отвёл взгляд и, зацепив двумя пальцами очередную сигарету из пачки, прикурил.

– Ты так и не ответила на мой вопрос, – выдохнул он дым, снова вернувшись к весёлому настрою.

Я медленно выпустила воздух из лёгких и отклонилась на спинку стула. Кому Кирилл не прощал ошибок? Кроме себя, никого важного в памяти не отыскалось. До случившегося я не представляла, что он настолько монстр.

– Кирилл чётко ограничивал работу от дома, – задумавшись, произнесла я. – А если у него были проблемы вне работы, то, я подразумеваю, жаловаться о них мне он и не думал.

– Пять лет в браке, но вы так и не стали близки, – констатировал он без особых чувств.

Я пожалала плечами – ответить мне было нечего.

– Значит, брак по расчёту? – сделав очередной вывод о моей жизни, спросил Сергей.

– Не в общепринятом смысле, но да – по расчёту.

– Его интерес в вашем браке я более-менее понял. А тебя что подвигло на брак без любви?

– Любовь переоценивают, – фыркнула я и тут же оговорила: – Я про ту, что между мужчиной и женщиной.

– Несомненно, – тихо рассмеялся он. – Когда это случи-

лось?

– Случилось – что? – нахмурилась я.

– Отношения, что разрушили твою веру в прекрасное чувство, – пафосно объяснил он, подрагивая от смеха.

Проницателен, хитрый лис.

Как таковых отношений и не было. Тогда нас связывала лишь одна ночь.

В тот момент мне казалось, сильнее боли не существует. Весь мой мир рухнул. Как оказалось – незначительно, лишь чуть приоткрыв грань настоящего несчастья. Но я чувствовала себя раздавленной, растерзанной на мелкие кусочки. Ноющее от разочарования сердце я буквально ощущала физически. Его словно сдавливало тисками каждый раз, как я вспоминала его губы на своих и осознавала, что они принадлежат другой. Он принадлежит другой.

Как я добралась до дома от одноклассницы помню слабо. Лишь единственная мысль, играющая в голове как заезженная пластинка: “Ничего не выйдет. Никогда.”

За ту короткую неделю нашего тесного общения я увязла. Увязла бесповоротно и навсегда. В его насыщенно-тёмных глазах, поблескивающих смешинками. В его улыбке, такой искренней и открытой. В его шутках, интонации, тембре голоса. Он стал моим воздухом, которого сам меня и лишил.

И за это я на него злилась. Старалась, по крайней мере. Всё же больше я винила себя. Лишь стоило на мгновение включить мозги, и я смогла бы понять. Вспомнить на секун-

ду о своей красоте, перед которой мало кто мог устоять, и прийти к выводу, что он держал дистанцию не прихоти ради. Но мне так нравилось забывать о своей внешности в его компании. Безумно приятно было ощущать себя простой влюбившейся девчонкой.

Как в тумане заварила себе чай. Постелила постель. И без сил рухнула на диван, дав наконец волю слезам. И пусть на кухне стынет мятный напиток. И пусть соседи слышат вой раненого зверя. И пусть подушка мокрая насквозь. Мне больно! Жутко. До спазмов в желудке. До хруста в костях. До разлетевшихся на осколки мечтаний и надежд.

Я потеряла счёт времени, полностью растворившись в своём женском горе. И тут раздался звонок от входной двери.

Наплевать. Я сломана. Да и решила всю оставшуюся жизнь провести на диване.

В дверь снова позвонили. Видимо, кого-то из соседей всё же насторожил мой плач.

Собравшись с духом, я поднялась с дивана и, еле передвигая ноги, подошла к двери. Открыла и потеряла дар речи. Я даже на секунду не могла представить, что Макс додумается прийти.

Как в замедленной съёмке выражение его лица из виноватого превратилось в обеспокоенное. В один широкий шаг он преодолел расстояние между нами и обнял меня одной рукой, второй приподнимая мой подбородок, чтобы заглянуть

в глаза.

– Лесь... – блеснул раскаянием его взгляд. – Я такой дурак! Прости! В самую последнюю очередь хотел тебе сделать больно. Кретин. Лесь, не надо. Не плачь.

Макс, скривившись, словно страдал ничуть не меньше меня, наклонился и оставил дорожку коротких поцелуев на моей скуле.

Это меня и привело в чувства. Высвободившись из его объятий, я подошла к двери и указала в проход:

– Уходи, Максим.

Он медленно покачал головой из стороны в сторону, скрипнув зубами.

– Я не оставлю тебя в таком состоянии, – скрестив руки на груди, тихо произнёс он.

– В каком – таком? – устало выдохнула я.

– Лесь...

– Я не собираюсь накладывать на себя руки, если ты об этом, – с сарказмом усмехнулась я.

– И не думал, что собираешься, – чуть расслабляясь, коротко улыбнулся он.

– Уходи! – вдруг потеряв последний контроль над собой, крикнула я. – К своей девушке! Уходи!

Слёзы хлынули из глаз. Знать, что он рядом и не имеет возможности к нему прикоснуться – невыносимо! Не честно! Не справедливо! Я хотела его целиком! Его одного!

Из-за слёз видеть не могла, но почувствовала колыхание

воздуха, а следом тёплое прикосновение его пальцев к моей щеке. Замерла, не открывая глаз и пытаясь взять себя в руки. Он молчал, лишь тяжёлое дыхание совсем рядом. А в следующее мгновение его чуть прохладные губы коснулись моих глаз, вбирая в себя солёную влагу с них. Не встретив моего сопротивления, губы проскользили к скуле, в ямку за ухом. Там он остановился, порывисто выпустив воздух, обжигая мою кожу.

– Лес-с-сь... – возле уха на выдохе прошептал он, оставив в воздухе свистящий звук моего имени.

Я не заметила, как перестала вздрагивать от слёз, да и дышать в принципе. Вдохнула, пытаюсь отыскать в памяти веские причины не подпускать его ближе. Не нашла. Сейчас он здесь – со мной, а не с ней. И пусть я потом сама себя закидаю камнями.

Порывисто обхватила его широкие плечи и уткнулась лицом в изгиб горячей шеи, губами чувствуя быструю пульсацию сонной артерии. Моё сердце барабанило в унисон с его. Здесь и сейчас. Я и он.

Макс заключил в кольцо своих рук мою талию и сильнее прижал к себе, коротко выдохнув от облегчения и уткнувшись лицом в мои волосы.

Через мгновение перехватил за плечи и чуть отстранил.

– Открой глаза, – умоляюще произнёс он.

Попрощавшись со всеми своими принципами, медленно подняла веки и окунулась в желанную всем сердцем темноту

карих глаз.

– Простила? – дрогнул краешек его губ, а во взгляде промелькнуло беспокойство.

– Да, – еле слышно шепнула я. Тебя. Не себя. Особенно за дальнейшее.

Взгляд на секунду рассеялся нежностью, а затем вспыхнул огнём, отвечая на огонь в моих глазах. Молниеносно приблизившись к моему лицу, он впился в мои губы, до боли сжимаемая пальцы на моих плечах. Перехватил за лопатки, нависнув надо мной. А я? Я таяла, буквально превращаясь в расплавленный воск. Его мягкие, теперь уже горячие губы заставляли кипеть мою кровь. Наше дыхание смешалось. Я уже не понимала, где кончаюсь я и начинается он. Рамки стёрлись. Время остановилось. Лишь звуки сердец, отбивающих быстрюю дробь.

Где-то на краю сознания услышала, как захлопнулась входная дверь, а Макс, на секунду оторвавшись от моих губ, подхватил меня под колени и, продолжив поцелуй, двинулся в зал.

Аккуратно уложил поперёк дивана и лёг рядом, нависнув надо мной.

– Лесь... – напряжённый взгляд, полный сомнений.

Быстро коснулась пальцами его губ, останавливая от дальнейших высказываний.

– Не надо. Лучше поцелуй, как в последний раз.

Макс коротко улыбнулся, расслабляясь, и нежно коснулся

губами моей скулы.

– Ты необыкновенная. Я уже говорил?

Я красноречиво закатила глаза и уже дрогнула в улыбке, но Макс остановил меня, впившись в губы.

Сердце замерло, руки сами обхватили его за шею, а бедра подались навстречу к нему. Его тёплая ладонь легла на мою талию под домашней майкой и проскользила выше, вызвав мурашки. Коснулась груди, слегка сжимая и заставляя меня задохнуться и выгнуть спину. Мой стон прямо в губы Макса распалил его ещё больше – он оторвался от губ и, тяжело дыша, оставил длинную дорожку из глубоких поцелуев до самых ключиц, вырывая из меня порывистый стон на каждый из них. Я зарылась пальцами в его волосы, перебирая нежный шёлк, и с каждой секундой всё больше растворялась в ощущениях желанной близости, теряя остатки рассудка.

Волосы. Шея. Плечи. Мои пальцы порхали, словно не зная где им нравится больше.

Макс замер, и я открыла глаза, еле сфокусировав взгляд, а по всему телу пульсировала мысль: “Почему остановился?!”, что я и попыталась отразить в своём взгляде. Он улыбнулся краешком губ и поднялся с дивана, вызвав в моей душе и голове ещё большую волну недоумения. Снял свитер и футболку и, откинув их на пол, упёр руки в диван по обе стороны от меня, нависнув и раздвинув коленкой мои ноги. Меня охватило дикое желание прижаться щекой к его обнажённой груди. Что я и сделала, обхватив его за плечи. Секунду насла-

ждалась быстрым стуком его сердца, затем коснулась губами впадинки груди. Макс судорожно выдохнул и, одной рукой опрокинув меня обратно на спину, яростно поцеловал. Мои ноги мгновенно обхватили его бёдра, а ногти впились в его спину. Я снова уплывала под натиском его губ, нетерпеливого языка. Невыносимо прекрасная нега. Нестерпимое желание большего.

Макс снова прервался, но лишь для того, чтобы в один миг освободить меня от майки. Секунду изучал цепким взглядом то, что открылось и, скрипнув в нетерпении зубами, прижался всем телом ко мне, продолжив поцелуй. Волна тепла от прикосновения кожи к коже, когда больше ничего не разделяет, накрыла меня с головой, сосредотачиваясь тугим узлом внизу живота. Его губы снова съехали с моих, оставляя горячий влажный след на скуле, шее, плече. Одновременно с этим он положил одну руку мне на грудь и двумя пальцами сжал затвердевший сосок. Прокрутил пальцы, вызвав остро-приятную боль и почти сразу же накрыл его горячим губами, пробуя его на вкус языком. Из моего горла вырвались хриплые крики, а тело извивалось, вторя движениям его беспокойного языка.

Наконец он прекратил эту сладостную муку и, заглянув в глаза потемневшим взглядом, распрямился. Провёл ладонями по коже до бедер и медленно стянул с моих ног трусики, вставая на ноги. Быстро стянул с себя джинсы и боксеры, представляя моему помутневшему взгляду возбуждён-

ную плоть, отчего по моему телу прошла волна тока, усиливая желание.

Наклонился и оставил жаркие поцелуи на внутренней стороне бедра, приблизившись к самой горячей точке моего возбуждения. Я изогнула спину и подалась навстречу его губам, издав судорожный стон нетерпения. Я хотела его там. Не губы, его целиком.

Дотянувшись до его скул, нетерпеливо потянула к себе, к своим губам. Макс выдохнул, обжигая дыханием, и быстро переместился, снова оказавшись сверху и даря такую желанную тяжесть своего тела. Ноги снова обхватили его бёдра, чувствуя рядом твёрдое и обнажённое возбуждение.

Хриплый стон. Его? Или мой? Не важно.

Макс поймал мой взгляд и начал медленно входить в меня. Замер и озадаченно сдвинул брови.

– Да, я – девственница, – еле выдохнула я от ощущения наполненности внутри. – Всё в порядке. Продолжай.

Он не двигался, лишь сильнее задумавшись, сверля меня смешанным взглядом.

– Пожалуйста-а-а, – протянула я, нежно проводя пальцем по раковине его уха.

– Леська, – с какой-то обречённостью произнёс он и впился в мои губы, резко входя в меня полностью.

Короткая вспышка лёгкой боли, а следом волна спасительного наслаждения.

– Очень больно? – шепнул мне в губы Макс.

– Нет, – выдохнула я, подаваясь ему навстречу.

Он коротко рассмеялся из-за моего нетерпения, но мой жадный поцелуй вернул его на нужный лад и, издав хрип желания, он задвигался во мне.

Каждый толчок взрывался яркой вспышкой у меня в мозгу. Стоны и хрипы смешались; тело извивалось. Невероятное чувство наполненности и мысль, что так и должно быть. Будто обрела себя целиком. Обрела его. Нас.

Через короткое мгновение или миллион лет меня накрыла волна самой яркой и насыщенной вспышки, стирая сознание и заставляя тело содрогаться в сладких спазмах. Зацепилась за обжигающий лицо хриплый выдох Макса, чтобы полностью не отключиться от действительности и почувствовала, как он внутри увеличился. Снова волна тока до самых кончиков пальцев, и через несколько секунд Макс обессиленно вдавил меня в диван.

Тяжёлое дыхание и потрясающее чувство удовлетворения. Упоительно.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем мы вернулись в реальность.

– Ты как? – шепнул Макс и перевернулся на спину, одной рукой поглаживая моё бедро.

Я молчала. В голову возвращались мысли о неправильности произошедшего. О его девушке. Обманутой девушке. При моём прямом участии. Я не хотела так поступать ни с одной из женщин, но поступила. На глаза навернулись слёзы

от злости на саму себя. Дура!

– Лесь? – тут же приподнялся Макс, опираясь на локоть и заглядывая мне в глаза.

Я зажмурилась, собираясь с силами.

– Принимай душ и уходи, – деревянным голосом сообщила я. – И больше никогда не появляйся на моём пороге.

– Олеся? – интонация полностью обескураженного человека. – Посмотри на меня.

– Нет. Убирайся. Я серьёзно.

– Да что... Как... Посмотри не меня!

– Не хочу! – воскликнула я, уже не сдерживая рыданий. – Слышишь? Не хочу тебя видеть! Никогда!

– Лесь, пожалуйста, – тёплая ладонь на щеке, – открой глаза. Родная, – короткий поцелуй, – милая, – ещё, – умоляю открой...

Не выдержала и заглянула в его полные мучения глаза.

– Максим. Я не хочу таких отношений. Пойми меня. Я не готова тебя делить.

Он напрягся и, скрипнув зубами, сглотнул.

– Мне нужно время.

– Для чего? – сквозь слёзы усмехнулась я. – Ты её не бросишь. Хотел бы – бросил ещё неделю назад.

Он зарычал от бессилия и уткнулся в моё плечо.

– Уходи, Максим. Так будет правильно.

Через несколько минут он ушёл. Пока он принимал душ, я закрылась в туалете и сидела там, не реагируя на его стук,

до тех пор, пока не услышала, как захлопнулась за ним входная дверь. На прощание он обещал во всем разобраться. А я решила, что не стану той, кто разрушил отношения, или ещё хуже – любовницей, если Макс так и не сможет определить-ся. Потому на время переехала к одной из подруг и несколько недель не ходила в техникум, занимаясь на дому.

– Попахивает бестактностью, – отрезала я, отворачиваясь от насмешливого взгляда Сергея.

По сути – мне плевать. Но он так мило извиняется.

– Прости, – сконфуженно произнёс он, удовлетворяя моё эго.

Помолчала полминуты, выдерживая образ оскорблённого достоинства, и снова посмотрела на следователя.

– Прощаю, – улыбнулась я и наткнулась на прищуренный взгляд.

Он кивнул, сдерживая улыбку, наверняка догадываясь, что я говорила не серьёзно. Впрочем, развивать эту тему он не стал, задумавшись о чём-то своём.

– Кирилл, – через минуту произнёс он, заставив меня вздрогнуть. – Не могу поверить, что он тебя не любил.

– Любил. Потому и наказал так жестоко.

– Олесь, что они конкретно сделали? – его рука продвинулась по столу и сжала мою. – Сможешь рассказать?

Г

лава 6

На этот раз я не стала выдёргивать руку, неожиданно для

себя наслаждаясь теплом его ладони. Участливый взгляд казался незаслуженным и затронул струны вроде бы мёртвой души. Может, и не всё умерло? Может, я всего-навсего себя в этом убедила?

Впрочем, не важно. Сейчас это не главное.

– Слишком тяжело? – тихий шёпот, полный сострадания.

Тяжело? Катастрофически. Даже несмотря на предпринятые действия. На прошедшее время. Но вернуться в тот день легко. словно этот ужас случился вчера. Потому что не забывала ни на минуту, хоть и страстно этого желала.

Открыла дверь и, зайдя в квартиру, обнаружила в коридоре виновато улыбающегося Никитина.

– Олесья, привет, – поднял он руки в примирительном жесте на мой ошарашенный взгляд. – Прости. Кирилл мне дал ключи и попросил подождать его тут. У него незавершённая встреча.

– Ясно, – улыбнулась я. – У тебя что-то случилось?

Он тяжело вздохнул и направился по коридору вправо на кухню, по дороге объясняя:

– Опять Кристина и её вечные истерики. Надо передохнуть. Расслабиться.

– Сочувствую, – сказала ему я вслед, нагло соврав. Я не сочувствовала и, зная его пагубное пристрастие к наркотикам, лишь переживала, что для его “расслабиться” потребуется героин и компания в виде моего мужа.

– Пойдём, Олесья, – крикнул Сергей из кухни. – Составь

мне компанию, пока Кирилл не вернулся.

Зашла на кухню и увидела прилично накрытый стол с разными закусками и алкоголем. Намечается весёлый вечер. Знать бы заранее, что весёлым он будет для всех, исключая меня.

– Мне нельзя пить, Серёж, – укоризненно посмотрела я на него.

– Знаю, – кивнул он и указал на бокал с цветной жидкостью. – Это сок. Посиди, послушай мои жалобы. Справишься? – умоляющий взгляд и робкая улыбка.

– Справлюсь, – усмехнулась я, присаживаясь напротив.

Сергей наполовину наполнил квадратный бокал виски и взмахнул им в мою сторону.

– Вот ты, Олесь, молодец, – морщась после выпитого, произнёс он. – Повезло Кириллу с тобой. Не истерик, не выноса мозгов. А какая красавица! Ух!

Он рассмеялся каким-то противным смехом, что навело меня на мысли, что бокал не был первым.

– Давай! – воскликнул он, снова наполняя свой бокал. – Выпьем за тебя! Бери-бери сок!

И даже пододвинул стакан ближе ко мне. Я рассмеялась и стукнула стаканом о его. Сделала пару глотков и уже хотела отставить, но Сергей поддержал его за дно и, оторвав пухлые губы от своего, настоял:

– До дна, Олесь! До дна! За такую красотку!

Пожала плечами и под радостно-пьяное гоготание Ники-

тина опустошила стакан.

– Вот! – пьяно блеснули тёмные глаза. – Кирилл всё время рассказывает, какая ты у него замечательная. Начинаю в этом убеждаться. А давай теперь за Кирилла? – он по очереди наполнил наши стаканы разной жидкостью. – Лучше него друга представить невозможно. Всегда поддержит, приободрит. Выручит, если того требуют обстоятельства. Повезло нам с ним, да?

– Конечно, – легко согласилась я, особо не вникая в его слова.

– Решено – за Кирилла! – он поднял бокал и оттопырил указательный палец, указывая на меня и прищурился. – Тоже до дна. Не филонь.

– Я так лопну, – покачала я головой, улыбаясь.

– Последний. А дальше, как пойдёт, – рассмеялся он, а в глазах промелькнуло беспокойство с чем-то ещё.

Списала это на трудности в отношениях с Кристиной. И когда он стал относиться к ней настолько серьёзно, что требуется разрядка подобным способом?

Мы снова чокнулись стаканами, и я выпила сок до дна под пристальный и нездорово блестящий взгляд Никитина. Он как-то плотоядно улыбнулся и налил ещё. А моя расслабленность, появившаяся ещё после первого стакана, вдруг раздвинула свои горизонты, принося с собой почти тупое безразличие ко всему.

Устало откинулась на спинку мягкого стула, пытаюсь со-

образить, откуда взялись эти ощущения. Почему рассудок вдруг помутнел и ужасно захотелось спать? Неужели так себя проявляет беременность? Не помню подобного из прочтённой литературы. С другой стороны, организмы у всех разные и, наверное, мой решил отреагировать именно так. Прикрыла глаза и на краю сознания услышала голос Никитина:

– Готово... Нет... Не переживай – не спит. Но уже близка... – Больной и дикий смех: – Мы не дадим ей уснуть, если что!.. О да! Запомнит всё! В деталях... Я верно рассчитал дозу! Кончай нудить, и езжайте сюда!

О чём он? Попыталась открыть глаза и увидела расплывчатое лицо Сергея совсем рядом. Обжигая кожу лица перегаром, он хищно улыбнулся:

– Готова, красотка? Ох, что тебя ждёт и что ждёт нас! – и, наклонившись, впился в мои губы, пытаясь своим противным языком достать мне до глотки.

Я скривилась и попыталась его оттолкнуть, но руки не слушались. Всё тело словно ватное, не послушное. Не моё.

Сонливость как рукой сняло, а мозг острой стрелой пронзила паника. Он что-то подмешал в сок! Для чего?! Кому он звонил? Кого просил приехать? Кирилл. Он в курсе, что задумал его друг? Как вообще ему хватило наглости покуситься на жену лучшего друга?

Тем временем Никитин больно сгрёб меня в охапку и, перекинув через плечо как тряпичную куклу, – хотя почему как? Я и правда была тряпичной куклой – понёс куда-то.

Сил открыть веки не нашлось, в голове шум вперемешку со страхом и спасательной мыслью: скорей бы вернулся Кирилл.

Неужели Никитин настолько пьян и безрассуден, что не предполагает, какие его ждут последствия? Даже если Кирилл не успеет, неужели он думает, что я буду молчать?

Что-то не сходится.

Свербящая мысль, что тут не всё так просто.

Никитин скинул меня с плеча, и я по ощущениям поняла, что сижу на диване. Значит гостиная.

Почувствовала, как рядом промялась подушка под весом Никитина. А следом его спёртое дыхание возле уха и жадную ладонь на моей груди. Стало невыносимо противно и гадко, словно меня валяют в грязи. Урод! Скотина! Сукин сын!

Кирилл! Ну где же ты?

Липкие губы прильзили по скуле и снова завладели моим ртом, язык проник внутрь, оставляя привкус алкоголя.

– Послушная девочка, – возле губ прошептал он. – Такая сладкая, такая хорошая. Как же я давно тебя хотел...

Попыталась поднять руку, чтобы залепить ему пощёчину, но та лишь слабо оторвалась от диванной подушки и упала обратно. Чёрт, чёрт, чёрт!

Конченный ублюдок! Похотливая мразь! Ненавижу!

Никитин встал, а я из последних сил открыла глаза и со всем призрением, на какое была способна, смотрела, как он, усмехаясь, снимает с меня капронки. Распрямился и, взирая

на меня с высоты своего роста глазами с большим блеском, приложил ткань к лицу, делая глубокий вдох. Я с омерзением поняла, что вместе с колготками он снял и плавки.

Ублюдок! Нет! Как же мой ребёнок?! Боже, нет! Пожалуйста, не надо!

Я начала хныкать, по щекам скатились слёзы, а Никотина это словно ещё больше распалило. Резко наклонившись, он задрал подол моего платья до самого живота и уткнулся лицом в лобок, делая очередной глубокий вдох. Я слабо дёрнулась, а Никитин на это заржал. Словно умалишённый, с фанатичным блеском в глазах.

– Тяжело брыкаться, лошадка? – и снова больной смех.

Наклонился и лизнул там, затем перебрался выше, снова впихивая в мой рот свой язык.

– Чувствуешь, какая ты вкусная? – расползлись пухлые губы в самодовольной улыбке.

Меня трясло от рыданий. Собрала слюну и кое-как плюнула ему в рожу. Большая часть осталась на подбородке, но пара капель всё же достигла адресата. Мышцы его лица дёрнулись, и он почти нежно большим пальцем вытер слюни с моего лица, а в следующую секунду зарядил по нему наотмашь тыльной стороной ладони. Голова съехала вбок, а щека вспыхнула огнём боли. Его пальцы быстро сжали мой подбородок, возвращая меня лицом к нему.

– Некрасиво, Олеся. Очень некрасиво, – покачал он головой.

И этому ублюдку хватает наглости учить меня морали?

Дикий взгляд и снова жадное лобзание моего лица, губ, шеи и всё это с мерзким придыханием нетерпения.

– Вот вечно тебе, Никитин, не терпится!

За шумом его тяжелого дыхания не услышала, как открылась дверь. Никитин замер и расхохотался возле моего лица. Голос я узнала. Но облегчения узнавание не принесло. Прохоров. Похотливый ублюдок похлеще Никитина. Вот кто никогда не скрывал, что хочет меня трахнуть. Желательно каким-нибудь извращённым способом. Всегда старалась держаться от него подальше.

Теперь паника заполнила всё моё тело до кончиков пальцев. Я буквально взревела от безысходности. Пусть делают со мной что хотят! Лишь бы не навредили ребёночку!

Мой вой вызвал взрыв смеха. И в третьем голосе я уловила знакомые нотки. Мозг отказывался поверить в реальность происходящего. Нет. Он не посмеет! Он не поступит так со мной!

Или уже поступает?

– Вы такие тормоза, – отклонился Никитин, развернувшись к голосам. – Но не волнуйтесь. Всё самое важное я ещё не трогал.

Он встал и отошёл чуть в сторону. С ужасом, разбившим сердце вдребезги, увидела Кирилла, сверлящего меня ненавистным взглядом.

Он медленно приблизился и чуть склонился надо мной:

– Страшно, сука? Не ожидала такого от меня? Я тоже не ожидал от тебя предательства и тем более залётного щенка от какой-то шавки.

Он хищно улыбнулся и посмотрел на своих друзей:

– Выпьем и приступим.

Те одобрительно загалдели, похлопывая друг друга по спине, и все трое направились на кухню, оставив меня трястись от слёз и медленно умирать от осознания неизбежной расплаты, изобретённой больным мозгом. За ошибку? Я не считала ребёнка ошибкой, вследствие чего перестала считать ошибкой и секс с другим мужчиной. И моей крохе, моему нерождённому чуду, моей мечте, всему тому, о чём всю жизнь грезила, сулила опасность...

Не знаю, сколько прошло времени, когда они пьяные и от алкоголя, и от извращенного предвкушения дальнейшего вернулись в гостиную. Моё уже было успокоившееся сознание снова заполнила паника. Тело затряслось, сердце барабанило в быстрых ударах животного страха. Он проник под самую кожу, взрываясь болезненным миллионом осколков внутри.

Первым меня имел Никитин. С искривившимся от наслаждения лицом и, рыча как собака, дорвавшаяся до желанного мяса. Вторым был Прохоров. Сначала стоял надрачивал, пожирая моё обнажённое, не способное шевелиться тело, затем перевернул меня на живот и вошёл сзади. Моё лицо уткнулось в подушку, что не позволяло нормально вздох-

нуть. Я и не хотела. Задохнуться, умереть. Лишь бы закончить этот ужас. Но «заботливый» ублюдок Никитин развернул мою голову, вернув воздух.

Кирилл во время всего этого нюхал героин и кричал, умоляя:

– Нравится, сука? Кайфуешь под чужим мужиком?

Как безумный повторял и повторял эту фразу. И ржал. Все трое ржали, пока я давилась слезами и прощалась с остатками прежней жизни. Я знала, что она уже никогда не будет такой, как я мечтала.

Затем меня трахнул и Кирилл. Словно вдалбливая и запечатывая память о себе. Жестко, с остервенением, с безумным блеском в глазах.

Алкоголь плавно переехал в гостиную, на журнальном столике, который сюда выбрала я сама, белели дорожки наркотика. Насладившись мной, ублюдки пили и нюхали. Нюхали и пили.

Затем им надоело соблюдать очередность и они взяли меня втроём. Прохоров совал мне в рот свой член, доставая до горла, не заботясь о том, что мне нечем дышать и совершенно не обращая внимания на мои рвотные рефлексy.

Я молилась о том, чтобы потерять сознание. Исчезнуть из этой квартиры, мира, жизни. Но я всё чувствовала. Не могла пошевелиться, но чувствовала. Каждый толчок, каждое прикосновение, каждый стук раненого собственного сердца.

Я мысленно их проклинала, ненавидела, желала смерти.

Оказалось, что изнасилование было только началом моего полного уничтожения.

Кирилл бросил меня на пол и навис с жестокой ухмылкой на устах.

– Ты серьезно считала, что я буду воспитывать подкидыша? – прошипел он, брызгая слюной. – Никогда! Ясно тебе? Я даже родиться ему не дам. И тебе жизни не дам. Поняла?

Слёз не осталось, я лишь свирепо смотрела на него снизу, давая понять, что он тоже за всё заплатит. Все они когда-нибудь заплатят по счетам. Я себе пообещала.

– Ах ты, сука! Ты ещё смеешь так на меня смотреть? – взревел он и двинул пяткой мне в живот.

Одним ударом не обошёлся. Бил и снова бил, выкрикивая ругательства. Бесконечная боль завладела моим сознанием, лишая последних крох на его благоразумие. Он не остановится пока чудо внутри меня не умрёт. Пока не умрут мои надежды, мечты, желания, планы на будущее. Мои чувства: радость, счастье, любовь... Всё то, что связывало меня с этим миром, всё то, что держало на плаву.

Кивнул Прохорову, и тот поднял меня на ноги. Он держал меня, пока Кирилл наносил удары по лицу, в живот. Сквозь слёзы видела его искажённое злостью лицо. Лицо больного и безумного человека.

Приблизил его ко мне и выплюнул:

– Никто не смеет меня предавать.

Меня снова бросили на пол. Теперь удары наносил Прохо-

ров, при этом не переставая ржать и гоготать. Сначала страдала спина, затем снова живот и рёбра. Никитин зарядил пару раз по лицу, прокричав что-то про то, что никому не позволено предавать его лучшего друга.

На краю сознания услышала, как Кирилл их остановил.

– Урок закончен, – заржал он, и следом послышался звон бокалов.

Яркая, нестерпимая боль пульсировала по всему телу, а особенно горячий пожар бушевал внизу живота и между бедер липкой субстанцией собиралось подтверждение того, что Кирилл добился своего.

– Отец, у нас небольшая проблемка, – пренебрежительный смех, и я провалилась в темноту.

Я зажмурила глаза, пытаясь сдержать нахлынувшие слёзы. Ну почему не становится легче? Когда это пройдёт?

Порывисто всхлипнула и услышала, как скрипнули ножки стула, где сидел Сергей.

– Прости, – присел он на корточки передо мной. – Не рассказывай. Не надо. Прости, что заставил вспомнить.

Открыла глаза и наткнулась на сочувствие и искреннее раскаяние. Сердце снова защемило. Но теперь от его доброты. Коснулся тёплой ладонью щеки, утешая. И никакого желания обладать мной, которое я привыкла видеть в глазах мужчин. Лишь настоящее понимание моей боли, словно он знал, что мне пришлось пережить.

Накрыла его руку своей и снова прикрыла глаза.

– Они насильовали меня, – тихо произнесла я. – Насильовали по очереди. Вместе. А потом избиили. Целенаправленно, чтобы убить ребёнка.

– Боже, – выдохнул он и на вдохе, поднимаясь, сгрёб меня в охапку и крепко прижал к своей груди.

Обняла его в ответ за талию.

Легче. Совсем чуть-чуть, но всё же легче.

Глава 7

Я мягко отстранилась и заглянула в глаза абсолютно чужому человеку, который воспринял мою боль, как свою.

Не верилось, что есть ещё люди, способные искренне сопереживать.

– Спасибо, – тихо шепнула я.

Его лицо озарила тёплая улыбка, но в глазах продолжало блуждать сожаление.

– Извини, – снова повторил он и зло скривился, отвернувшись в сторону: – Подонки. Были бы живыми – задушил бы своими руками.

– Да...

Он снова посмотрел на меня и, переместив руку с моего плеча, коснулся щеки ладонью.

– Ужасно, что тебе пришлось такое пережить.

Кивнула, не отводя глаз.

Молчал минуту в нерешительности, но всё же решился.

– Я должен спросить. Поймёшь?

– Да, – согласилась я, уже догадываясь, каким будет вопрос.

Наш брак с Кириллом уже около года не приносил того энтузиазма, что я испытывала вначале наших отношений. Естественно, тут ещё сказывалось желание беременности, которая так и не наступала. Он всё чаще пропадал или на

работе, или у своей любовницы. А может, и не одной. Меня это не трогало, мы оба осознавали, что наш брак скорее партнёрство, чем любовь. Но то, что я не беременела, ужасно раздражало.

В тот вечер, когда желанное чудо случилось, мы планировали вместе поужинать в ресторане, но Кирилл прийти так и не смог, сославшись на занятость работой.

Я разозлилась, догадываясь, что занят он отнюдь не работой, и уже собиралась домой, но тут увидела Его.

Он зашёл в ресторан под руку с женщиной примерно нашего возраста. Женщина восторженно озиралась, словно оказалась в таком месте в первый раз и счастливо улыбалась Максиму. Мужчине, который не покидал моих мыслей с той самой ночи много лет назад. Из сердца прогнать его тоже не удалось.

Почти не изменился, но словно погас. В движениях чувствовалась усталость, на лице отражался миллион проблем, которые хотелось бы не замечать, но решать придётся. От беззаботного парня почти ничего не осталось, но уверенность в своих силах, его шарм никуда не ушли.

Я осталась, а официант проводил Макса и его спутницу за столик. Недалеко от меня. Женщина оказалась ко мне спиной, Максим – лицом. Первая продолжала восторженно озираться, последний, бросив безразличный взгляд по залу, встретился с моим.

Тёмно-карий восторг узнавания, лицо на секунду удив-

лённо вытянулось, но он тут же взял себя в руки, еле заметно кивнув и сдержав улыбку.

Я не сдержала. Сердце пело, словно пара высоко над землей в лучах горячего солнца. Я встретила не только его, но и себя, ту, которой была и, как оказалось, по которой скучала.

Они сделали заказ. Максим пытался не смотреть на меня, но выходило у него плохо. Он что-то отвечал своей спутнице, улыбался ей, кивал, но взгляд всё время возвращался ко мне. Я же даже и не пыталась на него не смотреть. Изучала, впитывала в себя его лицо с появившейся паутинкой морщин вокруг глаз и мимическими – у губ. Хотелось к ним прикоснуться. На ощупь исследовать его слегка изменившуюся внешность.

Через некоторое время желание стало нестерпимым. До скрипа зубов, до били в ладонях, от впившихся в них ногтей.

Не выдержала – встала и пошла в туалет.

– Лесь, – услышала дорогой сердцу голос в коридорчике перед дверью.

В ушах зазвенело. Медленно обернулась, наблюдая, как он всё больше и больше сокращает расстояние между нами. На лице искренняя радость встречи, в глазах неверие своему счастью и капелька несвойственной тому Максиму робости. Словно боится, что я его прогоню.

– Максим, – выдохнула я, кивнув.

Остановился совсем рядом, обдавая ароматом своих духов. Протянул руку и пропустил сквозь пальцы прядь моих

волос, сосредоточенно наблюдая за моей реакцией.

– Как ты? – тихий шёпот родного дома. Словно мы в моей старой квартире и сейчас, выпив чай, ляжем спать в крепких объятьях друг друга.

Порывисто его обняла, прижавшись губами к любимой пульсации, к доказательству, что я ему всё так же дорога. Максим резко выдохнул и сильнее прижал к себе, затем обжёг горячим дыханием ухо.

– Лес-с-сь, – оставил в воздухе, прижимаясь своей головой к моей.

Вспомнила, что он пришёл не один, и резко отскочила, врезавшись спиной в туалетную дверь.

– Что такое? – обескураженно произнёс он.

Отрицательно помотала головой, пытаясь собраться с мыслями, и зажмурила глаза.

Колыхание воздуха, горячая ладонь на щеке.

– Посмотри на меня, – умоляющий тихий голос.

Годы стираются, и я как в омут окунаюсь в тёмно-карее безумство. Вспышка огня, молниеносный наклон, и его губы жадно проглатывают моё дыхание. Нащупывает за моей спиной ручку и, обхватив меня за талию, переносит за дверь. Щёлкает замок. Не отрываясь от губ, задирает подол платья, оставляя жар от ладоней на бедрах. Подхватывает и усаживает меня на прохладную поверхность умывальника.

Дрожащими пальцами тереблю его ремень. Расстёгиваю, задыхаясь от желания. Скольжу одной рукой по упругому

животу, натываясь на его ответное возбуждение. Все тело пробирает острая дрожь. Быстро спускаю брюки и боксеры, в то время, когда его сильные пальцы оттягивают в сторону ткань моих трусиков.

Останавливается, чтобы заглянуть в глаза.

– Леська, – на изломе голоса шепчет он и резко входит в меня.

Водоворот чувств, нереально яркое избавление от всего, что томило, накалялось, жгло. А следом и осознание произошедшего. Но пока было всё равно. Я сжимала его плечи, уткнувшись в изгиб шеи и тяжело дыша. В объятьях почти чужого человека, не свободного, не моего – я дома. До боли хотелось навсегда остаться в этом моменте, не вспоминать, что я уже давно другой человек, и тем более не знать, каким человеком стал Он. Макс...

Горло перехватило, и я сильнее сжала пальцы на его плечах. В ответ он сильнее меня обнял и, поцеловав в волосы, прижался щекой.

Но мир не способен ждать, даже тогда, когда его умоляешь.

В дверь аккуратно постучали, и с той стороны раздался женский голос:

– Максим? Ты там? Всё в порядке?

Максим чертыхнулся, чуть отстраняясь от меня.

– Рядом с тобой никого? – крикнул он в дверь.

– Нет.

– У меня случился казус. Иди ужинай – не жди меня.

– Ясно. Постарайся быстрее.

– Хорошо, – и, сожалея, заглядывает мне в глаза.

– Буду считать это комплементом, – шепчу я, сдерживая слёзы.

Тихо смеется, прижимаясь губами к моему лбу.

– Лесь, я так скучал...

– И я, Максим. И я.

– Боже, – выдыхает он и сгребает меня в крепкие объятия.

Надрывно дышу ему в грудь, не сдерживая тихие слёзы.

Не хочу, чтобы он уходил. Не хочу возвращаться в свою прежнюю жизнь. Не хочу жить без любви.

– Надо идти, – потусторонним голосом сообщает он.

Аккуратно спускает меня на пол, отрывает салфетки нам обоим... От таких бытовых действий мгновенно обретаю хладнокровность. И теперь хочу, чтобы он скорее ушёл.

Застёгивает ремень и подходит ближе с намерением прощального поцелуя. Я отстраняюсь и твёрдо смотрю ему в глаза:

– Уходи.

– Повторяешься, Олесь, – улыбается он.

– Скорее – наступаю на одни и те же грабли.

– Серьёзно считаешь, что то, что между нами, не правильно? – прищуривает он глаза, с мелькнувшей в них злостью.

– Да, – говорю твёрдо я. – Прощай, Максим. И не заставляй долго ждать свою спутницу. Ты ей обещал.

Поджимает губы и долгим взглядом смотрим мне в глаза. Ничего в них не увидев, с силой бьёт ладонью по керамической раковине, резко распахивает дверь и уходит.

Защёлкиваю замок и, скользя по двери спиной, опускаюсь на пол. Обхватываю колени и реву.

В зал возвращаться не стала, попросив официанта принести мои вещи.

– Кто отец ребёнка? – напряжённо спросил Сергей.

– Максим Свердлов, – пожала я плечами. – Отчества не знаю.

– Он знал, что ты беременна?

Ещё одна пустая версия. Стало жаль его расстраивать.

– Нет.

– А потом? Мог узнать, что с тобой случилось? – не сдавался следователь, в пылу догадки сжимая мои плечи сильнее.

– Нет. Я с ним не общалась с той случайной встречи, когда забеременела. И вертелись мы с ним в разных кругах.

Сергей тяжело вздохнул и, отпустив меня, прошёл к окну.

Потемнело. Я и не заметила, как кухней завладел полумрак. За окном всё так же продолжали кружиться большие хлопья снега. Интересно, удалось ли ребятам слепить снеговика?

– Всё равно его проверю, – развернулся ко мне лицом следователь.

Пожала плечами, ничего не ответив.

Сергей, думая о своём, коротко улыбнулся и вернулся на стул. Вынул сигарету из пачки и задумчиво закурил. Смотрел он при этом в стену. Изучила его профиль. Красивый. Давно я с такими мыслями не смотрела на мужчину. Да и в принципе не смотрела на мужчин. И его искренность... Искренность подкупала. Не думала, что всё так обернётся.

– Кто знал о том, что с тобой произошло? – через минуту тишины посмотрел на меня Сергей.

– То есть кто был бы способен отомстить за меня? – усмехнулась я.

– Наверняка кто-то остался равнодушным, – серьёзно заметил он, делая затяжку.

– Их можно пересчитать по пальцам, – вздохнула я, отводя глаза. – И скорее всего они мне поверили не до конца.

– Вот и расскажи, кто они? – зажав сигарету губами, Сергей открыл блокнот и взял ручку.

Я почувствовала раздражение. Не убивали этих подонков мои знакомые!

– Серьёзно считаешь, что кто-то мне сочувствующий просто пошёл и убил их? – холодно бросила я.

Сергея озадачила перемена моего настроения и он заглянул мне в глаза с удивлением.

– Прости, – тут же проговорила я, сделав глубокий вдох. – Никто из них не способен на убийство. Не думаю, что тебе стоит выдвигать версии на базе случившегося со мной.

– В тихом омуте черти водятся, не забыла? – весело при-

щурился он на меня.

– Помню, – сухо кивнула, снова ощутив раздражение. – Но с уверенностью могу сказать, что если ты хочешь двигаться в том же направлении, то кроме меня подозревать некого.

Он слегка опешил и, быстро затушив сигарету, снова обошёл стол, присев на корточки возле меня.

– Олесь, – взял мои ладони своими горячими пальцами он. – Я должен раскрыть дело, – и посмотрел проникновенным взглядом в мои глаза. – Оно свербит внутри меня, и успокоение принесёт только раскрытие. Так с любым делом. Даже тогда, когда оно касается такого подонка, как твой бывший муж. Я не контролирую это, прости.

И снова искренность. Пытается оправдать самого себя, чтобы быть понятым. Я тоже хочу быть понятой.

Долгий взгляд в искрящиеся извинением глаза. Наклонившись, я коснулась его губ своими.

Сергей опешил, чуть отстранился и посмотрел на меня с недоумением.

– Олесья? – нахмурился он, а в следующую секунду при взгляде мне в глаза порывисто выдохнул: – Олесья...

И поцеловал.

Обхватила его за шею, притягивая ближе к себе, он меня за талию, поднимая со стула. Губы мягкие и нежные и в тоже время ненасытные, со вкусом табака. От сердца, распространяясь по всему телу, прошла волна желания. Словно его дыхание наполнит теплом и жизнью всё, что казалось умер-

ло. Уже не ждала чего-то подобного.

Сергей усадил меня на стол, встав между моих ног и сильнее стискивая пальцы на талии. Поцелуй углубился, стирая всякую осторожность и робость. В горле пересохло, дыхание порывисто срывалось. Ощупав твёрдые мышцы под шерстяным свитером, добралась до низа, чтобы его снять. Потянула вверх, и Сергей, поняв мои намерения, оторвался от губ и помог. Через пару секунд свитер валялся на полу, а его губы обжигали мою шею. Откинула голову назад, в нетерпении обхватив ногами его бедра. Провела ладонями по его обнажённым рукам и сжала кожу на плечах под футболкой. Сергей, удерживая меня под лопатки, снова нашёл мои губы и проник вглубь языком навстречу моему. Тихо простонала, а он сильнее прижал меня к себе. Быстро отыскала ремень его джинсов и начала теревить застёжку.

Неожиданно Сергей замер, прижавшись лбом к моему, и одной рукой остановил мои руки. Тяжёлое дыхание, губы сожалеюще поджаты.

– Это безумие, – выдохнул он.

– Пусть, – шепнула я, вновь обхватив его плечи.

– Я не могу, – отстранился он, перехватив воротник моей кофты, и сжал пальцы на нём.

В глазах бушует огонь желания, который пытается потушить здравомыслие.

– Можешь, – твёрдо ответила я.

И не отрываясь от его глаз, уже без помех расстёгиваю ре-

мень. Смотрит на мои руки, затем в глаза, секунду не шевелится, а следующий миг, со свистом выпустив воздух, стягивает с моих плеч кофту и жадно целует ключицы. Выправляет из-под меня шёлковую ткань домашнего платья и проводит горячими руками по обнажённой спине до лопаток, вырывая из меня стон наслаждения. Затем медленно освобождает меня от комбинации, оправляя её к своему свитеру, проводит ладонями по моей талии и, сжав пальцы, наклоняется, обхватывая губами сосок правой груди. Отклоняюсь, уперев ладони в шероховатую столешницу и сглатывая сухой ком желания, со стоном выпускаю воздух. Его вторая рука ложится на другую грудь, сминает, гладит, когда нетерпеливый язык выводит невыносимо чувственные выражи вокруг затвердевшего соска. От тёплого дыхания на коже сознание растворяется, пульсируя лишь одной мыслью: “Ещё... Больше.” Порывистый хрип, и сладкому терзанию подвергается другой сосок. Легонько прикусывает его и в следующий миг нетерпеливо сжимает мой затылок, впиваясь губами в мой рот. Тоже хочу освободить его от плена одежды и потому, царапая его кожу ногтями, хватаю полы футболки и тяну вверх. Снова помогает и мгновенно прижимает меня к своему торсу, продолжая поцелуй. Исследовав его спину ладонями, впиваюсь ногтями в талию и притягиваю ближе к себе, бедрами чувствуя твердость, пленённую джинсами. Отрывается от губ и с безумным блеском в потемневших глазах снимает с себя джинсы и боксеры. Не отрываясь от моих

глаз, касается щеки и большим пальцем проводит по нижней губе, слегка оттягивая её вниз. Обхватываю палец губами, чуть прикусывая. Порывистый вздох с его стороны, и рука ложится на бедра, при помощи второй стягивая с меня трусики. Подходит близко, упираясь своим желанием мне в бедро, наматывает на свой кулак мои длинные волосы и медленно тянет вниз, чтобы оставить горячий и важный след в изгибе моей шеи. Продолжает тянуть вниз, придерживая спину второй рукой и оставляя горячие и скользящие поцелуи по участкам моей кожи, до тех пор, пока моя спина не оказывается прижатой к столу. Распрямляется, а я откидываю голову вниз. Его пальцы с нажимом скользят от плеч до груди, сжимают, гладят и продолжают свой путь до бёдер. Обхватывает их, чуть приподнимая, и медленно входит в меня, порывисто выпустив воздух. Изгибаю спину от приятной наполненности внутри, стискивая пальцами края столешницы. Стон.

Движение сначала мягкое и плавное, через мгновение становится быстрым и яростным. Тяжёлое учащенное дыхание. Стоны наслаждения. Минута, две. Три. Четыре. Уже не могу. На пике. Сквозь шум в ушах слышу, как он нетерпеливо рычит, когда я вся сжимаюсь от накрывшего моё сознание освобождения. Он начинает двигаться ещё быстрее, обхватывая одной рукой мою грудь. Ещё одна невыносимая минута, готовая по новой привести меня к пику. Но он резко выходит. Поднимает меня со стола и прижимает лицом к холодильнику. Чуть приподнимает бедра и резко насаживает

обратно, продолжая яростно двигается. Ноги подкашиваются, но он удерживает меня, теснее прижимая к себе. Снова пик наслаждения, заставляющий громко стонать и сжиматься. Влажные ладони скользят по гладкой поверхности холодильника; ищу возможность за что-нибудь уцепиться, но меня переворачивают лицом к себе и жадно впиваются в губы, упираясь горячим естеством в живот. Подхватывает одной рукой под коленку, второй прижимает к себе за талию, приподнимает и через несколько шагов опускает на холодный пластик подоконника. Снова целует каждый дюйм от уха до плеча, вынуждая меня прикрыть глаза от наслаждения. Нажимает большим пальцем на чувствительную точку там и под мой стон резко входит внутрь. Впиваюсь ногтями в его плечи и откидываюсь назад, чувствуя спиной холод окна. Но внутри жар. Поглощающий. Подчиняющий себе. Невыносимо! Снова пик, содрогающий тело, а следом его порывистый рык и стон облегчения. Притягивает меня к себе и, обжигая тяжёлым дыханием изгиб шеи, крепко сжимает в объятьях, продолжая находиться во мне. Обнимаю его в ответ. Так же крепко. До желания растворить в себе.

А в следующую секунду говорю то, что совсем не планировала говорить:

– Их убила я.

БОНУС: Бумеранг. Время после...

Глава 1

– Молчи, – выдыхает мне в ухо он, обжигая прерывистым дыханием и, подхватив под ягодицы, снимает с подоконника и несет в зал.

Аккуратно укладывает на удлинённый край дивана и распрямляется, блуждая по моему телу жадным взглядом, помутневшей и чуть безумной теплотой карих глаз.

Взгляд прошибает до костей, словно ток распространяясь по коже и вибрируя в кончиках пальцев. Чувствую, что снова его хочу. И опускаю глаза в район его паха, убедиться, что и он готов к следующему раунду.

Кто бы знал, что наше сегодняшнее тяжёлое знакомство закончится таким образом. И это несмотря на моё вырвавшееся признание.

Сергей наклоняется и, уперев колено в диван между моих ног, кладёт свои ладони мне на грудь. Проводит нежно по кругу, а я кожей чувствую горячую влажность его тыльной стороны рук. Пальцы сжимаются, захватывая в остро-сладкие своей болью тиски мои твердые соски, вырывая из меня гортанный стон. Сжимаю свои пальцы на краях диванной подушки до судорожного онемения, когда его ладони с на-

жимом начинают спускаться к бёдрам и, проскальзывая под меня, стягивают кожу на ягодицах. Надтреснутый хрип, и он резко переворачивает меня на живот. Не давая опомниться, тянет вверх, заставляя встать на колени. Горячие ладони гладят, ласкают мои ягодицы и внутреннюю сторону бёдер. Подушечка большого пальца касается точки моего жара, снова вырывая из меня стон желания.

Хочу, чтобы он вошёл в меня. Скорей.

Закусываю ноготь, чтобы не умолять его, всё же ловя кайф от его умопомрачительных ласк.

В следующую секунду протискивается в мою влажную тесноту двумя пальцами, побуждая меня выгнуть спину и шумно втянуть воздух вместе с прядью моих волос, разметавшихся по дивану. Слышу, как он начинает дышать тяжелей с каждым движением своих пальцев внутри меня.

И, наконец, больно обхватывает пальцами мои бедра, стремительно насаживая меня на свою горячую плоть. До самого основания. Прошибая взрывом чувств до истошного крика из моего горла.

Выпускает воздух и начинает двигаться. Яростно, неистово, каждым толчком проникая всё глубже и глубже. Боже! Уже через мгновение мозг простреливает разряд освобождения, сжимая мои внутренности и бёдра. А Сергей рычит и продолжает вбиваться, удерживая меня возле себя.

И я по новой начинаю чувствовать накатывающее волнами наслаждение.

Вдох и воздух выходит со стоном. Снова и снова. Лишняя разума. Накаляя нутро огнём.

И вот он увеличивается во мне, ускоряется, обещая сжечь всё дотла, чтобы возродиться после, словно феникс.

Устало откидываемся на мягкую обивку дивана. Сергей тяжело дышит, но всё же находит силы, чтобы сказать:

– Наступлю себе на горло, но не позволю тебе сесть в тюрьму.

***

Через день

– Олесь, – раздался в трубке взволнованный голос Сергея. – Уезжай! Уезжай из города. А по возможности даже из страны.

Позвоночник прошибло холодом, дыхание участилось.

– Килин, – не спрашивала я.

– Да, не я один наткнулся на иск. И ему в отличии от меня плевать какие у тебя были мотивы.

– Хорошо. Спасибо, Серёж, – прошептала, уже страдая, что больше его не увижу.

Он молчал, а когда я уже хотела сбросить вызов, надтреснуто шепнул:

– Олесь... Будь осторожна, умоляю.

– Обещаю.

– Живи! – вдруг выкрикнул и тише добавил: – По возможности, как можно дальше от сюда.

– И ты береги себя, – глаза защипало, горло сдавило, но я

всё же произнесла те слова, что хотела: – Спасибо, что вернул веру в людей.

– Прощай Олесь.

Положила телефон на столешницу и дала волю слезам.

Моё признание было для него шоком, впрочем, как и для меня сомой. Но он понял. Понял! Когда никто другой бы не смог такого сделать.

В нашу ночь я рассказала ему обо всем.

Как по-настоящему пила первые полгода, а в последующее время лишь притворялась, чтобы исполнить задуманный план. Как хладнокровно продумала каждую деталь трёх убийств и также хладнокровно их исполнила. Как наслаждалась их мучениями. Ужасом стоявшем в их глазах от осознания скорой смерти. Да, они получили по заслугам. Их зверства вернулись к ним бумерангом. Бумерангом моей местности...

Уехать из страны я тоже планировала, только не так рано. Ещё не всё подготовлено. Не всё сделано.

Но оставаться в этой квартире однозначно нельзя.

Пару звонков, и я быстро покидала в спортивную сумку то небольшое, что могло пригодиться.

И тут услышала рёв машин, резко прекратившийся где-то в районе моего подъезда.

Выглянула в окно, чуть отодвинув тюль и увидела, как из двух хаммеров выходят парни криминальной наружности. Охрана Килина.

Пора.

Пуховик, ботинки, сумка на плечо, и я, закрыв дверь, тихо крадусь по лесенкам вверх. Внизу уже слышится топот ног. Сердце бьётся у самого горла, шумит в ушах, заставляет гнать адреналин по венам. Но всё под контролем. Я знаю, как действовать.

На пятом этаже быстро забираюсь по лесенке на чердак и тихо опускаю крышку люка за собой. Сердце стучит уже не так сильно. Теперь я в относительной безопасности – они не додумаются, что ушла я из дома только что.

Пробралась по мусору, в основном состоящему из засохшего голубиного помета, через перекладки и разного рода провода до самого дальнего от моего подъезда люка.

Быстро спустилась и побежала по лестнице вниз. Перед тем, как открыть подъездную тяжёлую дверь, надела вязаную шапку и натянула её до самых глаз.

Выдох. Второй. И я вышла из подъезда, стараясь выглядеть обычным человеком, не тем, что пытается скрыться от преследователей.

Обычным шагом дошла до конца дома и, мысленно с ним навсегда попрощавшись, завернула за угол и побежала со всех ног до ближайшей станции метро.

Остановилась отдышаться только тогда, когда достигла спуска вниз. Оперлась ладонью о колющейся холодом поручень. Грудную клетку жгло и от холодного воздуха, и от нагрузки из-за бега. А в следующее мгновение на мои пле-

чи легла тяжёлая ладонь и крепко сжала, а в районе талии сквозь пуховик упёрлось что-то твёрдое.

– Здравствуй Олеся, – голос, леденящий похлеще мороза, сковавшего горло. – Рад тебя видеть. И давай без истерик.

Илья Мельник. Глава охраны Килина. Всегда был умнее остальных.

Глава 2

Крепко обнимая, Илья повёл меня к чёрной ауди, припаркованной недалеко от станции метро. Открыл пассажирскую дверцу, перед этим спрятав пистолет в карман черного пальто, и усадил, присягнув ремнём безопасности. Улыбнулся, обнажая белые зубы и заглянул в глаза насмешливым металлом серых глаз.

– Прокатимся, – прошипел у самого лица, чуть ли не касаясь моего носа своим – орлиным.

Замер на мгновение, пожирая глазами мои губы и, медленно выпрямившись, захлопнул дверцу. Черной статью, с распахнутыми полами пальто, буквально пылающий своей самоуверенностью, обошёл машину спереди и занял водительское кресло. Не глядя на меня, завел мотор и утопил педаль газа в пол, наверняка разбрызгивая в разные стороны мокрую грязь испод колёс.

Посмотрела на его сосредоточенный профиль: ухожен, черная смоль волос блестит лоском, щеки гладко выбриты, бордовые ровные губы упрямо поджаты.

Но я-то помню его и другим.

Упрямым мальчишкой, пытающимся решить задачку на уроке математики, а затем побитым жизнью человеком, неизвестно как узнавшим в каких кругах я кручусь и нашедшем мои контакты, чтобы попросить помочь найти достой-

ную работу.

Да, это я ему помогла устроиться в охрану к Килину, и он добился результатов – став там главой.

Да, и я на него рассчитывала.

– Не скажу, что два года алкоголизма на тебе сильно сказались, – усмехнулся Илья, бросив на меня быстрый взгляд.

– Спасибо, – нагло вернула ему смешок.

– Ты хоть представляешь что тебя ждёт? – раздражённый взгляд и скрип зубов.

– Не глупая, – пожала плечами.

– Не верю, что их убила ты, – после минуты напряжённого молчания, сказал Илья.

– Правильно делаешь, – пренебрежительный смех с моей стороны.

Машина дернулась в сторону и меня повело по креслу в сторону водителя, а затем резкий свист тормозов, и я вернулась в исходное положение. Почти в тоже мгновение почувствовала болезненное сжатие подбородка, и его пальцы повернули мою голову к пылающему негодованием металлу глаз. Ноздри колыхались от тяжёлого дыхания, челюсть сжималась, обозначая ходящие ходуном желваки.

– Пароль, Олеся, пароль. Вот что ему важно, – сказал холодно, обдавая горячим дыханием с ароматом корицы.

Я молчала, с достоинством выдерживая его взгляд, не дрогнув ни одним мускулом лица.

Он ещё минуту прожигал меня свирепым взглядом и, от-

пустив подбородок, снова завёл мотор.

Всё остальное время до конечной остановки мы проехали в полном молчании.

На улице стемнело и, когда я смогла разглядеть, где мы, слегка удивилась, что Илья не повёз меня сразу в загородный дом Килина.

Вышел из машины и открыл дверь с моей стороны, быстро наклонился, отстегнув ремень и грубо поднял меня с кресла, стиснув железным хватом руки, приносящим боль, за плечо.

– Пошли, – бросил холодно и повёл к подъезду неизвестного мне здания.

Зашли в квартиру, и как только захлопнулась дверь, Илья прижал меня к стене, удерживая одной рукой за шею, а вторую протягивая в требовательном жесте:

– Телефон.

Поджав губы, выудила сотовый из заднего кармана джинсов и буквально припечатала его о ладонь, кажущемся себе властным, наглеца, не преминув ответить презрительным взглядом.

Илья коротко дернул мышцами лица и отстранился.

– Иди на кухню, – сказал, не глядя, стаскивая с моего плеча сумку.

Отлепилась от стены и побрела в указанном направлении. Я не боялась его. Мне, кажется, я вообще престала понимать это чувство. Всё выжжено. Нет того смысла, ради которого бы страшился умереть.

Села на мягкий диванчик кухонного уголка, закинув ногу на ногу.

Через минуту в кухню вошёл Илья и, сев напротив, спросил:

– Так что? Пароль. Ты мне его скажешь?

– И даже чай не предложишь? – хмыкнула я.

Скрипнул зубами и отвёл глаза в сторону.

– Олесь. Всё просто – ты помогаешь мне, я – тебе, – и на последнем слове прожёл плавящемся металлом.

– С чего ты взял, что я могу тебе помочь? – иронично подняла я брови.

Сорвался с места и навис, снова схватив одной рукой за горло.

– Пароль, Кольцова, – прошипел у самого лица, зло прищутив глаза.

– Не понимаю о чём ты, – выплонула я, прищутив глаза в ответ.

Отвернулся, рассмеявшись, качая головой, а в следующий миг чуть сильнее сжал пальцы на моей шее и, придвинувшись, прошипел на ухо:

– С Килиным этот номер не прокатит. Он будет тебя мучить. Долго. Вырывая из тебя жизнь по кусочку. До тех пор, пока ты не сломаешься и не скажешь то, что он хочет знать.

– Значит такая моя судьба, – выдохнула я ему в ухо.

Замер на секунду, а затем сдвинул губы в район изгиба моей шеи. Втянул носом воздух и тяжело выпустил его, об-

жигая кожу.

– Кольцова, – холодно произнес. – Неужели хочешь, чтобы я выбил из тебя информацию тем же способом, что заставил тебя убить трёх человек?

– Ха, – усмехнулась я. – То есть, ты знал, как со мной поступили? И другие знали?

– Ты сама виновата, – припечатал тут же.

– В чём? В единовременной слабости, в которой Кирилл себе не отказывал ни разу?! – крикнула я и уже тише с расстановкой и смаком добавила: – И, если ты согласен с его методами, то не меньшая мразь, чем он.

Илья отстранился с лёгким недоумением заглядывая мне в глаза.

– Давай, – прошипела я, прожигая серый лед презрительным взглядом. – Трахни меня без согласия. Может мне уже давно такое нравится!

Мгновенно отстранился от меня, как ошпаренный и повернулся ко мне спиной. Минута прошла в тягостном молчании. Как раз её было достаточно, чтобы я смогла восстановить дыхание.

– Поехали, – повернулся, не глядя в глаза. – Ты сама решила свою судьбу, далее я тебе не помощник.

А мне и не нужна помощь.

Глава 3

– Илья! Дорогой! – раскинул руки в разные стороны, в одной из которых в стакане плеснулась янтарная жидкость, Килин. – Не зря ты глава моей охраны. Отличная работа, – а затем взгляд жестоких глаз, так похожих на глаза Кирилла лениво перебрался на меня: – А вот и моя бывшая сноха! Рад, очень рад.

Я фыркнула в ответ, отвернувшись от изучающего взгляда.

– Ты свободен, Илья, – продолжал Валерий Янович. – И позаботься, чтобы ближайшие пару часов нас не беспокоили. Нам с моей бывшей родственницей предстоит тяжёлый разговор.

Рука Ильи, лежавшая на моём плече, чуть сжалась, и я посмотрела в его глаза, во взгляде которых хорошо читался смертельный приговор. О, Илья, я тебя ещё удивлю. Он коротко кивнул Килину и, поджав ровные губы, вышел за порог, плотно закрыв за собой массивную дверь рабочего кабинета отца моего покойного бывшего мужа.

В камине весело резвились ленты оранжевого пламени, я стянула шапку, а затем и куртку, чувствуя, как коже становится жарко.

– Да, чувствуй себя, как дома, – усмехнулся Килин, делая плоток из бокала. – Присаживайся в кресло. Налить тебе вы-

пить?

– Да, спасибо, – кивнула я, принимая предложение сесть.

– Покрепче напиток или полегче? – поинтересовался, подняв брови, замерев у стойки с разнообразным алкоголем.

– Всё равно. Мне уже давно всё равно что пить.

Усмехнулся своим мыслям, а в следующее мгновение лицо исказилось злостью и он, взревев, швырнул свой бокал в стену, заставив меня от неожиданности втянуть шею.

– Я всё знаю, лживая ты дрянь! – заорал, буквально испепеляя меня свирепым взглядом.

Минуту стоял тяжело дыша, раздувая крылья носа и метая глазами молнии, а затем как по щелчку мгновенно успокоился, снова став гостеприимным хозяином. Налил два бокала виски и вручил один из них мне, облакачиваясь задницей в дорогих брюках на громоздкий стол, у которого стояло моё кресло.

– Олеся, – посмотрел прямо перед собой, – я знаю, что это ты лишила меня наследника. Заодно прикончила и его дружков. Почему я сразу не подумал о тебе? Вопрос... Наверное, тот образ что ты создала вкупе с твоей внешностью, многим мужчинам пеленит глаза, мешая разглядеть тебя настоящую. А ты тот ещё крепкий орешек. – Холодные глаза вонзились в мои, словно намереваясь застудить саму кровь, бежавшую в ускоренном темпе по моим венам. – Но лишить меня и обеспечения – это уже наглость, не находишь?

– Не понимаю о чём вы, – упрямо ответила я, не отводя

глаз.

Буравил мои глаза минуту, затем отставил свой бокал и приблизился к моему лицу, уперев ладони в подлокотники кресла. Я не шевелилась, с внутренним отвращением стойко выдерживая его близость.

– Скажи новый пароль, и я не стану тебя убивать, – прошипел, обдавая ароматом виски и дорогого табака моё лицо.

– Какой пароль вы с меня требуете? – нагло подняла я брови.

– Офшорный счёт, Олеся! – прорычал в ответ. – Говори!

– Вы не находите глупым сидеть в хрущёвке, обладая паролем от вашего офшорного счёта?

– О, нет, – рассмеялся он. – Ты совсем не глупая. Совсем. Даже слишком умная. Только понял я это совсем недавно, – он резко передвинулся к моему уху и выдохнул в него: – И меня чертовски это заводит...

Моя кровь вскипела, и я невольно передёрнулась всем телом. Килин тихо рассмеялся шипящим звуком и, втянув воздух носом, зацепил губами мочку моего уха, касаясь кончика языком.

Теперь меня всерьёз трясло от отвращения.

Он схватил одной рукой меня за затылок и, выпустив мочку, зашептал:

– Я всё придумал. Мы с тобой порезвимся и уже в процессе ты расскажешь всё что мне нужно знать. Так? Ты же будешь хорошей девочкой? – он перехватил другой рукой мою

руку со стаканом, которой я упиралась ему в грудь, чтобы не позволять приблизиться ближе, дернул ею, опрокидывая стан с глухим стуком на ковер и прижал мою ладонь к своим штанам, с набухшей плотью. – Видишь, как ты действуешь на мужчин, когда не только красива, но и чертовски умна?

Чуть не фыркнула вслух – я ещё и невероятно кровожадна.

Выдернула руку из его захвата и быстрым движением достала из потайного кармана скальпель. Резкое движение вверх и вправо. По широкой шее, с бьющейся похотливым желанием сонной артерией. Моя рубашка мгновенно оросилась красной кровью, и Килин, захлёбываясь, придавил меня тяжестью своего тела. Тяжело уложила его на пол, наблюдая, как он с недоумёнными глазами, рваными движениями пытается закрыть рану руками. И захлёбывается, не в силах сказать ни слова.

– Видите, как легко я решила вашу проблему с обеспечением? Теперь оно вам без надобности.

Пожала плечами и улыбнулась, закрывающему от бессилия глаза монстру.

Да. Когда я начала готовить план мести, узнала много нового и интересного о семье Килиных. Как оказалась Килин-старший замёл следы не только моего уничтожения. Та тройка не раз баловалась подобного рода развлечениями, и отец Кирилла вполне успешно заминал дела, а иногда и присоединялся к процессу. Но самое страшное, что сам Валерий

Янович развлекался способами похуже тех, что предпочитали его сын и дружки. Боже! Сколько разбитых судеб, душ, жизней мне пришлось найти и выслушать, пропуская каждую историю через себя. Такой монстр не должен был жить и здравствовать. Но к нему в отличие остальных жертв моей мести было не легко подобраться. Потому и пришлось попросить Кирилла перед смертью поменять пароль от офшорного счёта, о котором знали только близкие. Килин-старший легко углядел в убийстве сына попытку его ограбить, а дальше всё как по маслу.

Быстро надела куртку, скрывая от собственных глаз кровавую рубашку и, натянув шапку, открыла потайную дверь. Она ведёт к комнате с вином, а та в свою очередь в спальню родителей Кирилла. А из спальни проход в закрытую оранжерею, из которой есть тайный выход за территорию особняка, который однажды мне показал Кирилл, рассказывая о своих ночных похождениях к соседской девчонке.

Хоть я и рассчитала каждую мелочь, точно зная что делать, сердце всё же билось у самого горла, отдаваясь звоном в ушах. Адреналин зашкаливал, подгоняя. И я бежала, желая как можно скорее оказаться подальше от этого места. Места своего четвёртого убийства. В котором однозначно будут обвинять меня. И Сергей меня уже не спасёт. Пусть. Лишь бы не возненавидел.

Через двадцать минут я, тяжело дыша, села в неприметную машину, ожидавшую меня не далеко от территории со-

седей Килиных.

– Долго ты, – буркнул Игорь, заводя мотор.

Посмотрела на его холёное лицо, лоснящееся жирком, набранным от хорошей семейной жизни, и почти не узнавала того злого парня, пытавшегося меня изнасиловать, чтобы проучить за обидные слова. Время однозначно не стоит на месте.

– Прости, – шепнула я, одновременно извиняясь и за поддержку, и за своё поведение многолетней давности.

– Куда ехать? – коротко взглянул мне в глаза и улыбнулся, растаяв от моего взгляда.

Назвала адрес и вспомнила, что не обратила внимание на самое главное.

– Номера скрыл? – спросила я звенящим от волнения голосом.

– Обижаешь, – хмыкнул он и снова улыбнулся.

Расслабляясь, с удивлением обнаружила, что ему идёт улыбка.

Ехали долго и почти всю дорогу молчали, изредка перекидываясь ничего не значащими фразами.

Когда машина остановилась у необходимого мне дома, Игорь перегнулся на заднее сиденье и, достав объемный жёлтый пакет, передал его мне.

– Телефон и новая сим-карта.

– Спасибо. За всё спасибо. Оплата будет к утру – обещаю.

Кивнул, отвернувшись и замолчал.

Открыла дверцу и, уже ступив одной ногой в мокрый снег, услышала его тихий голос:

– Очень надеюсь, что ты не наделала глупостей.

– О, ты должен помнить, как я их люблю, – улыбнулась ему ласково и вышла из машины, захлопнув за собой дверь.

Рев мотора, и машина отдаляется от меня, подсвечивая себе тёмную дорогу жёлтым светом фар. Вдохнула морозный воздух полной грудью и зашла в подъезд. На четвёртом этаже позвонила в дверь. Услышала скрип половиц с той стороны и нетерпеливо крикнула:

– За документами.

Дверь распахнулась настежь, и на меня с высоты своего роста недоумённо взирали две тёмно-карие пропасти, в которые мгновенно ухнуло моё сердце, подкосив ноги.

– Макс? – выдохнула я.

Глава 4

– Лесь... – тоже не веря своим глазам, произнес одними губами.

А затем быстро сделал два шага и прижал к груди, крепко обнимая.

Боже, Макс! Максим... Милый мой. Хороший. Родной и чужой одновременно. И не ведущий каким человеком я стала...

Если меня ещё можно назвать человеком...

Уткнулась носом в его грудь, подавляя безумное желание разревется навзрыд.

Макс, ты не представляешь, что мне пришлось испытать, что пришлось сделать, чтобы отомстить за нашу кроху...

Максим они убили его! Слышишь? Нашу крошку. Мою крошку. Я должна была сделать то, что сделала.

Боже! Он не поймёт. Нет.

Через силу отстранилась и несмело улыбнулась, стараясь не смотреть во всё ещё недоумённые глаза. Новые документы я заказывала через интернет, по защищённому каналу. Макса посоветовал мне Игорь и даже словом не обмолвился, что это он. Но я не буду на него злиться – он моя палочка-выручалочка. Единственный кто, конечно же за кругленькую сумму, согласился мне помочь, не задавая вопросов. А не задавание вопросов у меня было в приоритете. Игоря никто

не свяжет со мной, а значит ему ничего не грозит. Не станет же полиция опрашивать всех, с кем я училась много лет назад. А вот Макс... Про Макса знает Сергей... Надеюсь, мой поступок не изменит его намерений наступить себе на горло.

В любом случае задерживаться здесь не стоит.

– Макс, – нарушала я молчание. – Мне необходимо спешить.

– Что? Как? – наконец, начал он искать причины моего здесь присутствия. – Что случилось? Зачем тебе понадобились новые документы? Лесь... От кого тебе нужно скрываться? Кто тебе угрожает?

Уже никто. Просто не хочу провести остаток жизни за решёткой. Но и от Макса так скоро уходить желания нет.

– Это твоё официальное место жительства? – всё же взглянула ему в лицо, почти не изменившееся за два с небольшим года. Небольшая щетина и россыпь тонких морщинок у глаз.

– Нет, – вдруг протянул руку и подхватил меня под локоть. – Заходи. Нет. Я её снимаю специально для таких встреч.

– Кто из твоих знакомых о ней знает? – не успокаивалась я, проходя через порог.

– Никто, Лесь, – странно на меня поглядывая, закрыл он дверь и, пожав плечами, улыбнулся: – Занятие из таких, которыми принято хвастаться.

Его слова немного успокоили.

Улыбнулась в ответ, скидывая с ног ботинки и снимая

куртку. Благо додумалась позаимствовать у вдовы моей жертвы чистую блузку – вовремя вспомнила, что на новые документы нужно фотографироваться. Моя же кровавая рубашка осталась лежать, как неоспоримое доказательство вины в её же комнате.

– Ты мне расскажешь, что произошло? – обхватив ладонями моё лицо, заглянул в глаза обеспокоенным взглядом.

Уже рассказала, Макс. Мысленно.

Прикрыла глаза, наслаждаясь теплом его ладоней и отрицательно качнула головой.

– Лес-сь, – шепнул, оставляя в воздухе тихий свист моего имени. – Посмотри на меня.

– Макс. Не надо, – твёрдо произнесла я, не открывая глаз и сделала шаг назад, освобождаясь от приятного плена его рук. – Давай сделаем то, ради чего я сюда пришла.

Скрипнул зубами, поджав губы и кивнул, после повернувшись ко мне спиной.

– Да. Пойдём.

Провёл в комнату с голыми стенами и усадил на единственный стул у зелёной ширмы. Взял фотоаппарат со стола с разнообразной техникой и подошёл ко мне.

– Говорить “сыр” не обязательно, – попытался пошутить и сразу же качнул головой, определяя шутку в разряд неудачных.

Непроизвольно быстро улыбнулась и, стараясь казаться серьёзной, посмотрела в объектив камеры.

Пару вспышек и он отправляет меня на кухню, пообещав, что всё скоро будет готово.

Зашла в просторную комнату, где аскетично стояли деревянный стол с двумя такими же стульями за ним, допотопный диван в цветочек и единственная кухонная тумба в углу под навесным шкафчиком.

Сделала две кружки чая и села за стол в ожидании Макса. В тёмном окне, которое обрамляла серая тюль, лениво кружились снежинки. Было ужасно интересно что заставило Максима заниматься таким рискованным делом. Большая семья, требующая немало обеспечения? Долги? Обычное желание легких денег?

Ну почему я не попыталась отыскать его, когда поняла, что беременна от него? Боялась, разрушить его счастливую жизнь? Понять, что я не нужна ему? Мы не нужны?

Да, наверное. На тот момент мне достаточно было знать, что его частичка будет жить в нашем малыше. Что так же искренне и честно на меня будут смотреть маленькие тёмно-карие глазки.

Боже! Сколько ошибок я могла избежать, если бы жила по велению сердца! Как же больно от осознания, что всё могло сложится совсем иначе! Пусть со своими проблемами, несчастьями, разбитым сердцем, но только не так, как сейчас...

Снова хотелось реветь навзрыд. Давно забытое чувство. Сколько времени я не позволяла себе быть слабой? Кажется,

целую вечность.

– Лесь? – взволновано произнёс Максим, кинув на стол документы и присаживаясь на корточки возле меня.

– Всё хорошо, – быстро смахнула слезинки с глаз и улыбнулась: – Я приготовила нам чай.

Взгляд на секунду потеплел, но он встряхнул головой и снова нахмурился.

– Не бойся мне всё рассказать. Прошу тебя, – умоляюще произнёс он.

– Нечего рассказывать, Максим, – коснулась я его щетинистой щеки и, дернув плечами, весело улыбнулась: – Или рассказать нужно столько всего, что лучше не стоит. Лучше ты расскажи почему занимаешься этим делом?

Теперь настала его очередь прикрыть глаза. Сжал мою руку у себя на щеке и, притянув тыльной стороной к губам, поцеловал. Болезненно зажмурился, качая головой, подразумевая, что это не важно, а в следующие мгновение выдохнул и распахнул горящие глаза.

– Лесь, я искал тебя. Тогда, когда встретил в ресторане. Вернулся за стол, поругался с бывшей женой, но всё же спровадил. И ждал тебя. Ждал даже тогда, когда понял, что ты не вернёшься. Я просидел до самого закрытия, поняв наконец, какой я дурак. Столько упущенного времени, Лесь! Секунд, минут, часов, лет, которые я мог провести с тобой! То, что было между нами самое правильное, что могло быть! Я ждал, чтобы сказать тебе это. А потом искал для того же. Лесь, смо-

жешь когда-нибудь простить моё тугодумство? Умоляю, скажи, что ещё не слишком поздно!

Поздно. Слишком.

Но вместо того, чтобы сказать это вслух, наклонилась и поцеловала любимые губы. Да, я люблю его. Сквозь года. Всегда любила и буду любить. Этого не изменить, это привычная часть меня.

Жадно ответил на мой поцелуй, обхватив руками под лопатки и поднимая на ноги. Своим дыханием возвращая меня домой. В ту девчонку, влюбившуюся без памяти в невероятного парня, который её однажды спас. Боже! Как же хотелось остаться в ней как можно дольше! Стереть из памяти всё что было после. И я отпустила себя, полностью растворяясь в чувствах, что дарил мне мой Макс.

– Я люблю тебя, Лесь, – шепнул он в губы, прильнув своим лбом к моему. – Всем сердцем. До бесконечности.

– И я тебя люблю, – ответила я, пальцами ощущая быструю пульсацию на его шее и тут же прильнула к ней губами, выдыхая: – Навсегда.

А затем заглянула в тёмно-карий омут Его глаз и снова поцеловала любимые губы.

Фейерверк чувств, водоворот ощущений от близости с любимым человеком, от тесного соприкосновения души к душе. Я наслаждалась Его ласками под скрип старого дивана, слыша его, как самую чудесную музыку и словно парила над землёй. Не было ничего кроме Его дыхания, Его губ, го-

рячих рук и наполненности внутри меня. Всё остальное исчезло. Растворилось. Сгинуло, как страшный сон.

Невероятная ночь, после которой мы впервые уснули в обнимку.

Но утро безжалостно вернуло мне меня настоящую.

Ту, что не достойна любви такого человека. Как и в принципе чьей-либо любви.

Знание, что я убийца вырвет с корнем всё чувства, что Он испытывал к чистой и невинной девушке на протяжении многих лет. Её уничтожили.

Поэтому я тихо собралась, забрала документы и умирая от боли очередного расставания с Ним, вышла из квартиры, аккуратно прикрыв дверь в своё неповторимое и светлое прошлое.

Эпилог

Три месяца спустя

– Привет, пузожитель, – ласково улыбнулась я заметно округлившемуся животу и нежно коснулась его ладонью. – У тебя всё хорошо? Да, конечно же, у тебя всё хорошо. Знаешь, малыш, ты даже не представляешь, как сильно я жду нашей встречи. Как хочу заглянуть в твои глазки и услышать из твоих уст слово “мама”.

Я снова улыбнулась и, распрямившись, заглянула в темные, блестящие невероятной добротой глаза милой девушке с ямочками на обоих щеках от белоснежной улыбки. Благодаря ей я всё же испытаю материнские чувства.

– Что вы сказали малышу? – спросила она меня по итальянски.

– Сказала, что жду с ним встречи, – пожалала я плечами и выставила локоть в её сторону, предлагая опереться на мою руку, чтобы прогуляться вдоль мостовой, где во всю бурлила жизнь чудесного города – Венеции.

С детства хотела здесь побывать – город на воде невероятно интриговал и наполнял сердце предвкушением какой-то сказки, нереальности. И потому, когда встал вопрос куда отправляться жить, сбегая от последствий, скрываясь от закона своей страны – без раздумий выбрала Италию.

Конечно, поначалу обескураживали запахи, что здесь пре-

обладали в большинстве районов. Но я быстро привыкла, решая для себя, что не зря выбрала это место. И вот уже на протяжении трёх месяцев я наслаждаюсь красотами многолетней архитектуры.

С Аделиной мы стараемся встречаться каждый день, чтобы погулять по городу, беседуя в основном о малыше, которого она вынашивает для меня. Ещё до всех убийств я обратилась в престижное итальянское агентство по усыновлению детей и выбрала Аделину за её тёмные глаза, так похожие на глаза Макса.

Макс...

Каждый день стараюсь не думать о том, что оставила в прошлой жизни, но всё время мысленно возвращаюсь в нашу невероятную ночь... И сердце сдавливает словно тисками, от осознания, что я никогда больше не поцелую любимых губ и не услышу родной голос, который рассмешит или ободрит, если того требуют обстоятельства.

Тряхнула головой и, прогоняя болезненные мысли, вслушалась в гортанный голос итальянки, болтающей о разных пустяках.

Мы гуляли около часа и, когда она пожаловаться на усталость и боль в пояснице, распрощались. Восемь месяцев беременности – осталось не долго, и я буду, наконец, счастлива. Да, с определённой тяжестью на сердце, но заново родившемся человеком. Как мой малыш.

В предвкушении благоприятного будущего, я, не спеша,

добрела до своего оранжевого чуда. Мой новый дом, среди таких же разноцветных зданий, в который я влюбилась с первого взгляда.

Поднялась по низким ступенькам, намереваясь открыть дверь и услышала то, что не ожидала услышать, но всем сердцем, до хруста костей желала – свистящий отголосок моего имени.

Резко обернулась, проверить не играет ли со мной воображение.

Нет.

Стоит в трёх метрах от меня и улыбается озорной улыбкой, но в глазах сквозит неуверенность, будто опасается, что я исчезну. А я опасуюсь, что исчезнет Он. Словно мираж, подкинутый моим истерзанным сердцем.

Макс...

Нашёл. Он меня нашёл.

– Или тебя теперь называть Юлия? – щурит глаза, делая не спешные шаги ближе ко мне.

– Максим, – выдыхаю я, чувствуя слабость во всем теле.

Он знает! Он, наверняка, знает, что я совершила.

Облокотилась спиной на дверь, пытаюсь удержаться на ногах и ощущая бьющееся барабаном сердце у самого горла.

– Ты знаешь? – шепнула, когда он оказался в полуметре от меня.

– Да, – скрипнул он зубами, сжав кулаки и отвёл взгляд. – Ублюдки.

Через неизмеримо долгую минуту снова посмотрел на меня, а в глазах бесконечное сожаление.

– Мне так жаль, что тебе пришлось пройти через это! – протянул руки, обхватывая ладонями моё лицо. – Одной! Простишь мне то, что меня не было рядом? Знаю, что это невозможно. Но я буду, Лесь, слышишь? Буду вымаливать у тебя прощения! Стоя на коленях до скончания времён.

И под мой ошарашенный взгляд, он медленно опустился, встав на колени на нижней ступеньке и сжав в своих руках мои. Быстро опустилась следом, мягко освобождаясь от плена его рук и уже сама обхватила ладонями его щетинистые щёки.

– Нет-нет, – запричитала я, качая головой, уже готовая расплакаться. – Тебе не за что извиняться. Это ты меня прости, за то, что так себя вела. За то, что отталкивала тебя каждый раз, а в последний оставила без объяснений. Я ужасная идиотка, Максим.

– Нет, – качнул он головой. – Ты – невероятная! Уму не постижимо, как ты со всем справилась.

Он нежно провёл рукой по моим волосам и прижался лбом к моему.

– Я люблю тебя, Лесь, до бесконечности. Помнишь?

– Да, – хрипло выдохнула из-за сжимающих горло слёз. – И я тебя люблю.

Резко втянул воздух и на облегчённом выдохе крепко меня обнял, поднимая на ноги.

Миг прошёл или вечность в объятьях самого родного человека – я понять не смогла, но через какое-то время, уже осознав, что я больше не одна, решила уточнить:

– Как ты меня нашёл?

– Не без помощи, – чуть отстранился он, чтобы заглянуть в глаза улыбающимся взглядом. – Но ты ведь помнишь кто тебе делал документы?

– А кто помог? – улыбнулась я.

– Один дотошный следователь. Кстати, – он выпустил меня из объятий и, достав из заднего кармана джинсов листок, протянул его мне: – Он просил тебе передать.

Трясущимися пальцами развернула сложенный в четверо клочок бумаги и со слезами в глазах прочитала пять слов, заставивших меня сдаться счастливым слезам и вернуться в родные объятия Макса. Теперь уже навсегда.